

INSPIRIA

ГДЕ-ТО ВО ФРАНЦИИ

ОТ АВТОРА РОМАНА
«ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ»

ДЖЕННИФЕР РОБСОН

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Дженнифер Робсон
Где-то во Франции

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Робсон Д.

Где-то во Франции / Д. Робсон — «Эксмо», 2014 — (Novel.
Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-162671-6

Впервые на русском! Яркий любовно-драматический исторический роман о женской судьбе во время Первой Мировой войны. От автора бестселлера "Платье королевы". От автора, написавшей лучший исторический роман года по версии USA Today и Real Simple. Когда «лампы гаснут по всей Европе», над миллионами людей сгущается тень... Леди Элизабет мечтает быть независимой, путешествовать по миру и — вот выдумщица — выйти замуж по любви. Она сбегает из родительского дома, мечтая стать полезной обществу. Но Первая мировая война вносит страшные коррективы в судьбу миллионов. Так из леди Элизабет она становится просто Лилли, попадает в прифронтовую зону, где перевозит раненых с места битвы в полевой лазарет.

Будущее туманно, все близкие люди далеко и, кто знает, живы ли. Но даже во тьме можно отыскать источник света. «У Дженнифер Робсон определенно есть дар описывать стремления и надежды простых людей в эпоху перемен». — Shelf Awareness

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-162671-6

© Робсон Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

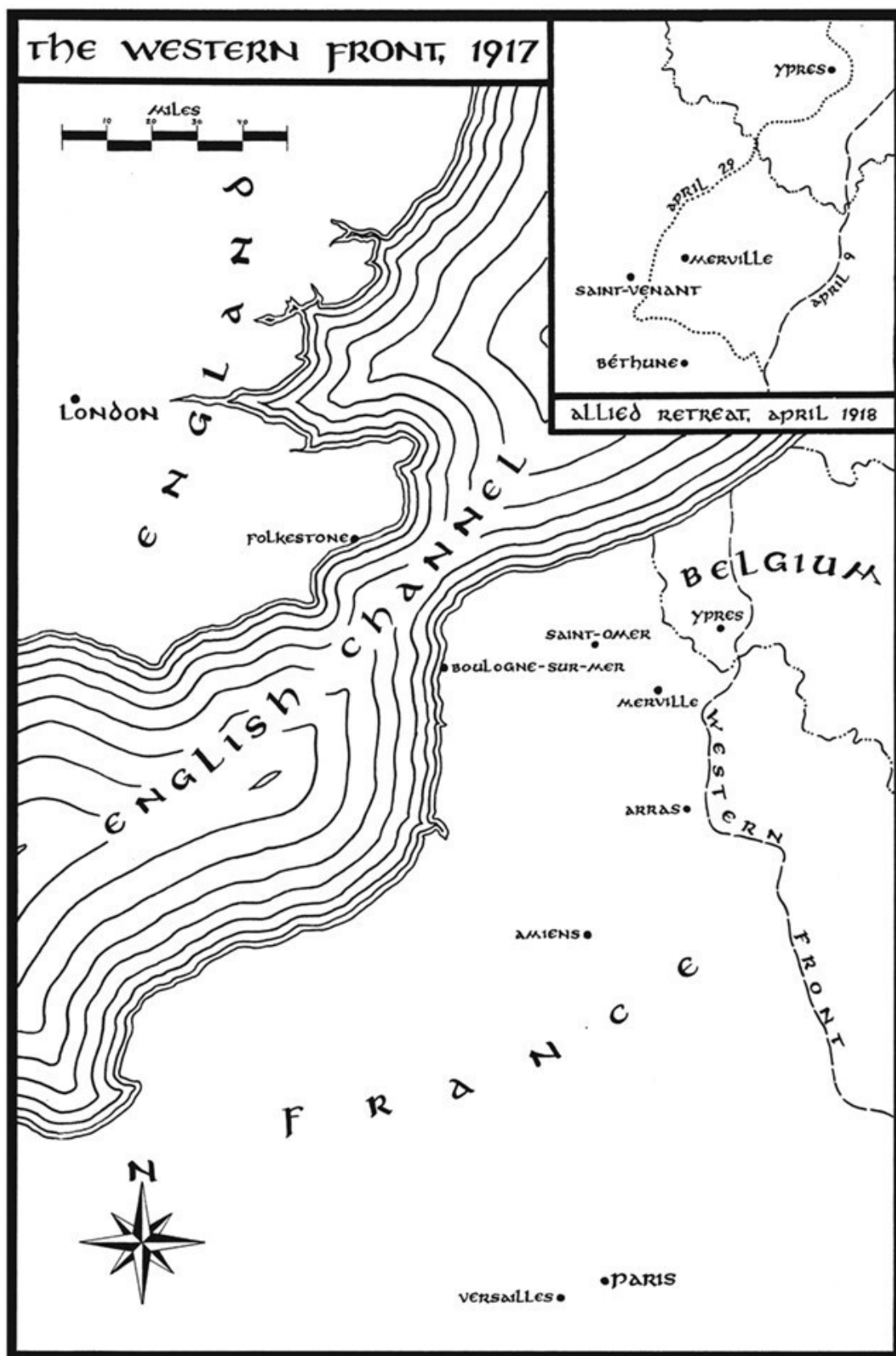
Часть первая	7
– 1 –	7
– 2 –	11
– 3 –	15
– 4 –	18
– 5 –	23
– 6 –	26
– 7 –	29
– 8 –	33
Часть вторая	38
– 9 –	38
– 10 –	41
– 11 –	45
– 12 –	49
– 13 –	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дженнифер Робсон Где-то во Франции

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Эта книга посвящается моему отцу Стюарту Робсону. Ты лучший историк и лучший учитель, с каким меня когда-либо сводила судьба.

Часть первая

Лампы гаснут по всей Европе; мы за свою жизнь больше не увидим их включенными.

Сэр Эдвард Грей, министр иностранных дел Великобритании (1905–1916)

– 1 –

Белгравия-сквер, Лондон

Июль 1914

Время было позднее – перевалило за девять, – и сама она припозднилась, потому что солнце уже село, оркестры начали играть, сотни гостей поднимались по величественной центральной лестнице, а их голоса полным энтузиазма, набирающим силу хором доносились до верхних этажей. Слишком поздно вызвала Флосси и стала надевать платье, которое выбрала для нее мама. Ах, если бы для таких случаев имелись доспехи.

– Флосси, я как раз собиралась позвать тебя. Задержалась я со всеми делами.

– Вы уже причесаны, так что у нас одна забота – ваше платье. Вы будете готовы через минуту.

Скинув с себя платье, Лилли стояла, словно манекен, в пеньюаре и чулках, пока Флосси затягивала на ней корсет. Потом горничная застегнула на ее талии несколько нижних юбок, чтобы придать достаточный объем верхней.

Платье уже было разложено на чистой простыне, расстеленной на полу, его лиф был широко раздвинут, чтобы Лилли с помощью Флосси могла втиснуться в него. Лиф был из самого модного розового атласа, поверх него – кремового цвета кружева, украшенные ландышами. Хотя сама она не сделала бы такой выбор, платье было достойное, и ей нравилось, как маленькие жемчужины и бриллианты ее украшений улавливают и отражают свет.

Она надела лайковые перчатки – из такой тонкой кожи, что у нее ушла целая вечность, чтобы натянуть их до локтей, – и наклонила голову, пока Флосси надевала на ее шею ожерелье из розовых сапфиров и жемчуга, за ожерельем последовали тиара, браслет, сережки из того же ювелирного гарнитура.

Она никогда не смогла бы стать первой красавицей бала – эта роль выпадала черноволосым красоткам, таким, как ее сестры. Но она, оценивая свою внешность критическим взглядом, могла сказать, что сегодня вечером выглядит весьма недурно. Она бы даже назвала себя хорошенькой. Красивыми были цвет ее лица, чистая, с отливом кожа без малейшего намека на веснушки, приемлемо округлая грудь и густые блестящие каштановые волосы.

Она сто лет не посещала балы. После своего первого выезда в свет два года назад она, если только было возможно, избегала таких пышных событий. К счастью, это был последний прием, на котором она должна была присутствовать, и устроен он был в честь ее брата Эдварда и его невесты. По крайней мере, до свадьбы ничего другого не намечалось. После сегодняшнего она сможет удалиться в свою тихую Камбрию и среди ее покоя наслаждаться последними летними днями.

Часы в виде кареты на каминной полке отбили полчаса. Она уже и без того потеряла кучу времени.

– Спасибо тебе, Флосси. Я тебя вызову, когда вернусь наверх.

– Да, мисс. Вы такая хорошенькая. До скорого.

Чтобы успокоиться, Лилли сделала глубокий, насколько то позволял ее корсет, вдох и поспешила вниз в библиотеку по одной из непарадных лестниц.

Увидев ее, Эдвард поднялся с одного из «ушастых» кресел, стоявших перед камином. Отец его невесты, лорд Галифакс, явно страдал аристократической подагрой, и ему, чтобы извлечь свое тело из кресла, понадобилось больше времени.

Мимолетно прикоснувшись щекой к щеке сестры, Эдвард прошел мимо нее и выглянул в пустой коридор.

– Где они все, черт побери? Уже давно должны были появиться.

– Я совсем недавно говорила с Еленой и леди Галифакс, – успокоила его Лилли. – Они наверняка вот-вот появятся. – Она увидела вечернюю газету на приставном столике и, чтобы отвлечь его внимание, спросила: – Есть какие-нибудь новости?

– От австрийков ничего, хотя это только вопрос времени. – Эдвард взял бокал с портвейном, допил остатки вина и поморщился. – Мы будем воюющей страной еще до конца лета.

– Неужели нет ни малейшей надежды достичь соглашения? – спросила она, хотя и знала ответ.

– Лучше уж пережить это, – заметил Эдвард. – Как вы об этом сказали, лорд Галифакс?

– Вскрыть нарыв.

– Да, именно вскрыть. Быстро и жестко – именно так мы и сделаем. Мы непременно возьмем верх, а когда сделаем это, в мире наконец можно будет не сомневаться.

Презрительное хмыканье со стороны библиотеки дало Лилли понять, что прибыла леди Галифакс.

– Чтобы сегодня вечером никаких разговоров о войне, джентльмены, – потребовала графиня. – Иначе вы запугаете молодых дам.

На лице Эдварда появилась виноватая улыбка.

– Вы, конечно, абсолютно правы. – Он подошел к леди Галифакс и изящно поцеловал ей руку. Потом, повернувшись к своей невесте, которая остановилась за спиной матери, он в полной мере одарил ее своей ослепительной улыбкой и почтением.

– Елена, дорогая моя, вы сегодня бесконечно прекрасны. Я так горжусь вами. – Он запустил руку в нагрудный карман своего фрака и извлек оттуда тоненький кожаный футляр. – Маленький знак моей любви. Надеюсь, вам понравится.

Пальцы Елены в перчатках некоторое время возились с защелкой, наконец она открыла футляр и ахнула, увидев внутри бриллиантовое ожерелье. Она посмотрела на Эдварда влажными от счастья глазами, и Лилли на мгновение почувствовала жалящий укол зависти. Неужели она видела перед собой то, что называется любить и быть любимым в ответ?

Осторожный стук в дверь известил о прибытии дворецкого. Великолепный мистер Максвелл в шелковом фраке повел их по парадной лестнице в зал для торжественных приемов. Когда они приблизились к резным двойным дверям зала, оркестр смолк, а сопровождающий его шум голосов стал тише.

Зычный баритон мистера Максвелла идеально подходил для таких случаев.

– Граф Галифакс и графиня Галифакс, – сообщил он. – Виконт Эшфорд и леди Елена Монтаню-Дуглас-Парр.

Лилли стояла далеко позади – ждала, когда всё замечающие глаза публики устремятся в другую сторону, после чего незаметно проскользнула в зал приемов. Она прошла по периметру зала, приветствуя гостей, которым уже была представлена, каждый раз повторяя одни и те же бессмысленные любезности о здоровье и погоде. И каждый раз, встречаясь с ними глазами и пожимая им руки, она все больше утверждалась в убеждении, что внутренняя жизнь того человека, с которым она разговаривает, совершенно ей неизвестна. Будь они ожившими рисунками, они бы производили на нее такое же впечатление. Да и ее воздействие на них вряд ли было более длительным.

Она пробралась в голубую гостиную в надежде найти там тихий уголок, где можно было бы посидеть, выпить стаканчик лимонада. И тут увидела его.

Роберт Фрейзер. Робби.

Она видела его только раз, когда ее брат пригласил своего лучшего друга из Оксфорда на долгий пасхальный уик-энд. Ее родители, конечно, возражали, придя в ужас от того, что Эдвард завязал дружбу с сыном мусорщика из Глазго. Но Эдвард настоял на своем, и его друг приехал на праздники в Камбермир-холл: ее брат почти всегда добивался своего.

Хотя с того уик-энда прошло семь лет и в Робби не осталось почти ничего от мальчишки, которым он был прежде, она сразу же его узнала. Впрочем, он остался таким же, каким был в ее воспоминаниях, – те же волосы цвета меда, яркие голубые глаза. Но вел он теперь себя как мужчина, в нем не осталось изящества и фанфаронства юности, держался он так уверенно, что затмевал всех, кто находился в гостиной.

Во фраке он выглядел превосходно. Если обычный костюм – шелковые фрак и брюки, жесткую накрахмаленную белую рубашку, жилетку и галстук – напяливали мужчины менее внушительные, то выглядели они обычно довольно жалко. Лилли видела в тот вечер немало надутых пингвинов. Но Роберт Фрейзер к их числу не относился.

Когда она подошла к нему и протянула руку, несколько голов повернулись в их сторону.

– Добрый вечер, мистер Фрейзер.

Он не ответил. Только смотрел на нее недоумевающим взглядом.

– Прошу прощения, – сказал он наконец. – Кажется, мы не были представлены.

Он не запомнил ее.

– Я младшая сестра Эдварда. Элизабет.

Узнавание осенило его лицо. Не обращая внимания на тех, кто зашептался или раскрыл от удивления рот, он взял ее руку в обе свои и нежно, словно она была из фарфора, пожал.

– Лилли? – только и смог вымолвить он. На его лице застыло странное выражение, он словно был рад видеть ее, но вместе с тем в некотором роде встревожен. – Конечно же. Я прошу прощения, леди Элизабет. Как чудесно увидеть вас снова.

– Спасибо, мистер Фрейзер.

Он улыбнулся, в уголках его глаз появились морщинки, и ее сердце пропустило два-три удара.

– У меня такое ощущение, будто мы на витрине, – объяснил он, чуть подавшись к ней. – Мы не могли бы где-нибудь...

– Согласна с вами, тут слишком жарко, – сказала она заговорщическим тоном. – Будьте любезны, проводите меня на балкон.

Он кивнул, и Лилли, предложив ему руку, повела его через толпу гостей в уединение балкона. Они вышли наружу, и она, прежде чем снова заговорить, немного постояла молча, позволяя прохладному вечернему воздуху окутать ее.

– Так лучше, правда? Теперь мы можем поговорить, не опасаясь, что нас прервут, по крайней мере в ближайшие несколько минут.

Она направилась к скамье в дальнем конце балкона и села, надеясь, что выглядит более уверенной, чем себя чувствует. Он сел рядом с ней, его взгляд не сходил с ее лица.

– Вы, вероятно, сочли меня совершенным идиотом, – сказал он, немного помолчав.

– Я... конечно, нет, ничего подобного...

– Вы выросли. Когда я видел вас в последний раз, вы были крошечной девочкой.

– Не такой уж и крошечной. Мне было тогда тринадцать, – напомнила она ему.

– У вас волосы сзади были схвачены бантиками, – гнул свое Роберт. – А лицо было сплошь усеяно веснушками.

– С тех пор семь лет прошло.

– Неужели? Как вы жили?

– Спасибо, прекрасно. А вы? Вы теперь, кажется, доктор, верно?

– Я хирург общего профиля в лондонской больнице в Уайтчепеле. Я проработал уже больше шести лет.

Она уже знала это, потому что Эдвард время от времени рассказывал о своем друге, а она внимательно слушала. Один раз она нашла эту больницу на карте города и с удивлением отметила, что больница менее чем в семи милях от Белгравия-сквер. Она судила об Ист-Энде, исходя из того, что о нем говорили люди, а потому считала, что Робби работает в какой-то чужой стране.

– И вы никогда не думали о том, чтобы вернуться домой – в Шотландию?

– Раз или два. Но я вполне счастлив в Лондоне.

– А каковы ваши обязанности в больнице?

– Один или два дня в неделю я провожу в хирургии, учусь у старших докторов больницы. Остальное мое время разделяется между уходом за постоперационными больными и приемным покоем. Но я не хочу вас утомлять. Расскажите мне о себе.

– Я в полном порядке, спасибо.

– Ваш брат наверняка сказал бы мне, но позвольте мне спросить: вы замужем?

– Нет еще. Это большое разочарование для моих...

Она замолчала, слова застряли у нее в горле, когда она увидела мать, которая целенаправленно двигалась к ним, стреляя глазами то в одну сторону зала, то в другую. Когда леди Камберленд подошла совсем близко, Лилли поняла, что мать не одна.

– О нет, – простонала она вполголоса. – Я его больше не вынесу.

– Кого?

– Молодого человека рядом с моей матерью. Его зовут Бертрам Фитцаллен-Карр. Он родственник Луиса – мужа моей сестры.

– На вид он довольно приятный молодой человек.

– Приятный – да. Интересный – нет. Начать с того, что в разговоре он абсолютно безнадежен. Что бы ему ни говорили, у него на все – два ответа: «неужели» или «не может быть».

Она вдруг почувствовала, как тяжела тиара у нее на голове, как удерживающие тиару заколки стягивают волосы. Она помассировала указательными пальцами виски, отгоняя пульсирующую боль. Еще мгновение – и ее мать окажется у балконных дверей, и тогда ей будет некуда деться от откровенной навязчивости Бертрама.

В этот момент оркестр закончил играть размеренный вальс и почти сразу же перешел ко второму вальсу в более живом венском стиле. Робби отступил на шаг, протянул ей руку.

– Позвольте пригласить вас на танец, леди Элизабет?

В одно мгновение они оказались у двери, а потом среди пар, кружащихся в большом зале.

– 2 –

С каждым па Робби чувствовал, как связь с реальностью покидает его. Он всегда терпеть не мог танцы, потому что он, по собственной оценке, танцевал плохо, но сейчас все было идеально.

Леди Элизабет была совсем не похожа на девочку, с которой он познакомился семь лет назад в Камбрии. Та неуверенная, нескладная и обаятельно непосредственная Лилли, которую он знал, казалось, состояла из одних веснушек и косичек, локтей и коленей. Если он и вспоминал о ней в течение этих семи лет, то видел перед собой неловкого ребенка. Но он никогда не видел ничего подобного тому, что предстало его взгляду сегодня. Взрослая женщина, такая красивая, что у него перехватывало дыхание.

Его переполняли воспоминания. Во время его пребывания в Камбермир-холле хозяева устроили пикник настолько невероятно хитроумный, что поначалу Робби был поражен одной только его экстравагантностью. Высоко в горах над величественным домом армия слуг поставила громадный шатер, в который свезли столы, стулья, даже шезлонги; на неровную землю вересковой пустоши положили бесценные восточные ковры. Внутри шатра вполне мог разместиться двухкомнатный коттедж, в котором он жил ребенком вместе с матерью. И еще осталось бы свободное место.

Второй шатер, поменьше размером, поставили для хранения еды. Столы ломились от тарелок с говядиной, курицей и дичью, бесчисленных пирогов и салатов, а еще ему запомнился серебряный поднос, на котором лежала высокая гора охлажденных разделанных омаров. Для сластен приготовили торты и заварной крем, горы экзотических тепличных фруктов. И повсюду были потеющие в своих ливреях слуги с бездонными бутылками шампанского.

После трапезы они с Лилли отправились прогуляться – посмотреть находящиеся поблизости руины. Она возбужденно говорила о Марии Кюри, Элизабет Гаррет Андерсон, Беатриса Вебб¹. Она тогда рассказывала ему о том, что собирается попутешествовать по миру, отучиться в университете, а потом стать ученым, а может быть, непримиримым журналистом – она еще не приняла окончательного решения. Беда, однако, была в том, что ее родители даже говорить о ее учебе не желали. Но она не сомневалась: со временем ей удастся их уломать.

Он ее слушал, да. Слушал и не осмеливался сказать ей правду, потому что знал, что случилось с сестрами его знатных одноклассников. Такие девочки, как Лилли, нигде не учились. Они не отправлялись по миру в поисках приключений. И они не становились похожими на Марию Кюри. Они выезжали в первый раз в свет, потом выходили замуж, рожали детей, и это ставило точку во всех их честолюбивых устремлениях.

Он не хотел быть человеком, который разрушит ее мечты, а потому посоветовал ей попросить родителей пригласить гувернантку, интересующуюся науками, гувернантку, которая составит более серьезный курс обучения, чем может предложить ее нынешняя легкомысленная наставница. Он даже вместе с ней пошел переговорить об их плане с Эдвардом. Но потом вернулся в Оксфорд и совершенно забыл о ней.

Его внутренности завязывались узлом от стыда. Каким же он был отвратительным – сочувственно выслушал девушку, а потом ушел и ни разу не повернулся. Хотя он не знал подробностей ее жизни в последние годы, сомнений у него не было – ни одно из ее подростковых устремлений не воплотилось в жизнь.

¹ Мария Кюри (1867–1934) – ученый-экспериментатор (физик, химик), педагог, общественный деятель. Первая женщина – преподаватель Сорбонны. Лауреат Нобелевской премии по физике. Элизабет Гаррет Андерсон (1836–1917) – английская суфражистка, первая женщина, получившая в Британии квалификацию врача. Беатриса Вебб (1858–1943) – британский общественный деятель, социолог, экономист, социальный реформатор.

Доказательством тому были ее глаза. Их прежде необыкновенный свет потускнел. Он не сомневался, что сегодня почти не видел этого света. Теперь ее взгляд говорил об осторожности, а не о страсти.

Вальс закончился звуком фанфар, и он с облегчением отметил, что нагоняющая на него ужас леди Камберленд исчезла из вида.

– Идемте посидим в голубой гостиной, – предложила Лилли. – Мы там сможем поговорить так, чтобы нас никто не услышал.

Они нашли место у окна в дальнем конце комнаты, достаточно просторной, чтобы можно было там обосноваться на приемлемом расстоянии друг от друга.

– Насколько я понимаю, свежих известий из Вены не поступало, – начала она.

– Нет, сегодня вечером никаких новостей не было. Что, по-вашему, будет дальше?

Она удивленно посмотрела на него, словно никто прежде не спрашивал ее мнения.

– Я не уверена. Эдвард считает войну неизбежной.

– Неизбежной война становится, когда таковой ее считают многие.

– Да, конечно. Я только хочу... просто дело в том, что все, кажется, только и ждут ее. Словно война станет единственным разрешением наших разногласий с Германией. Словно война – это нечто такое, что может все улучшить.

– Благородной войну считают только те, кто никогда не воевал. И после Южной Африки прошло уже больше десяти лет...²

– Я знаю. Но так считают не только неоперившиеся юнцы.

– Вы имеете в виду Киплинга и ему подобных?

– Они говорят о войне как о чем-то прекрасном, но как война может быть прекрасной? Разве была хоть одна война, на которой никто бы не погиб?

– Вы не считаете благородной смерть на поле боя?

– Благороднее умереть в своей кровати после долгой и счастливой жизни.

– Я с вами согласен. Вероятно, я один здесь такой.

– Что вы станете делать, если она начнется?

– Я поступлю в медицинский корпус. Что я еще могу? Солдат из меня никудышный. А что станете делать вы?

И опять этот вопрос словно застал ее врасплох.

– Что вы сказали?

– Вы как-то собираетесь участвовать в военной работе? Ну, поступить в добровольческую медицинскую службу – что-нибудь такое?

– Я не... я хочу сказать, что никогда об этом не думала. Сомневаюсь, что от меня может быть какая-то помощь.

– Потому что вы женщина? Ерунда. На дворе двадцатый век. Женщины могут достичь всего, нужно только захотеть. Когда начнется война и мужчины отправятся на поле боя, труд женщин потребуется здесь, дома, для разных важных дел.

– Я бы хотела помочь, правда хотела бы, но...

– Элизабет! Вот ты где!

Мать Лилли приближалась к ним, и в ее ледяном голосе слышалось раздражение.

– Я целых полчаса искала тебя, Элизабет.

Робби встал, предложил Лилли руку, помог ей подняться, потом повернулся к леди Камберленд.

– Добрый вечер, мадам.

«Семь прошедших лет ничуть не улучшили ни темперамента, ни характера графини», – удрученно подумал он. Скорее наоборот – она стала еще хуже, чем ему запомнилось.

² Речь идет о Второй англо-бурской войне 1899–1902 гг., в которой Англия одержала победу.

– Мистер Фрейзер, – приветствовала она его. – Очень мило с вашей стороны посетить нас. Ради бога, простите, что прервала вашу беседу, – продолжала она, – но я не могу допустить, чтобы Элизабет провела вечер в пустых разговорах. – Леди Камберленд повернулась к молодому человеку рядом с ней. – Мистер Фитцаллен-Карр, вы, кажется, искали пару для следующего танца. Будьте так добры – проводите мою дочь в зал.

Приговор был окончателен. Противный Бертрам взял Лилли за руку и повел по комнате, хотя было очевидно, что она не хотела идти с ним, напротив, сопротивлялась ему на каждом шагу. А Робби мог только стоять и беспомощно смотреть, как ее уводят.

Начав танцевать с Бертрамом, Лилли изо всех сил пыталась хоть краем глаза увидеть Робби и свою мать. Разобрать с расстояния было затруднительно, но они, кажется, разговаривали. Или нет? Мама даже не смотрела на Робби, напротив, она вроде бы отвернулась от него. Он смотрел прямо перед собой невидящими глазами, а на его лице появилось упрямое и мрачное выражение. Лилли вытягивала шею, пыталась уловить побольше, но удалось ей только споткнуться и едва не упасть.

Несколько минут у нее ушло на то, чтобы вытащить из-под каблука зацепившийся шлейф своего платья, потом еще несколько драгоценных секунд она потратила на то, чтобы успешно изобразить крайнее изнеможение и использовать его как предлог для исчезновения. Она старалась не бежать, входя в голубую гостиную, но, войдя, обнаружила, что ни ее матери, ни Робби нигде не видно.

Уговаривая себя не паниковать, она переходила из одной приемной в другую, оглядывала толпу в тщетной надежде заметить его золотистые волосы, увидеть его в зеленой гостиной, или, может быть, в зале, или в дальнем углу зала для торжеств, или на балконе. Но он исчез.

Разочарование, пронзительное и горькое, подступало к ее горлу. Может быть, она сказала что-то не то, сделала что-то? Почему, черт возьми, он ушел, даже не попрощавшись? Теперь она, торопя вечер, чтобы прием поскорее кончился, вернулась в танцевальный зал, откуда намеревалась вернуться к себе наверх. Не успела она сделать и нескольких шагов, как услышала, что ее зовут. Ее сердце забилося чаще, она повернулась и увидела Эдварда.

– Вот ты где, Лилли. Шампанского?

– Благодарю. – Она взяла бокал из его руки и выпила его содержимое в несколько глотков.

– Эй, не спеши. Я не хочу закончить вечер, унеся тебя наверх. Что-то случилось?

– Я в порядке, – заверила она брата. – Просто жажда замучила. Я вот подумала... ты видел Робби?

– Ах, да. Я же должен тебе передать.

– Что передать?

– Он очень сожалел, но он должен был уйти.

– Он не сказал почему?

– Нет, просто сказал, что должен, пожелал мне и Елене всего наилучшего, надеялся на скорую встречу и все такое прочее. А ты почему спрашиваешь?

Лилли принялась разглядывать бокал в руке, страстно желая, чтобы он вновь наполнился.

– Да так. Просто... он тебе не казался расстроенным?

– Ничуть. Мне показалось, что он в полном порядке. – Эдвард внимательно посмотрел на нее, она, казалось, разбудила в нем интерес.

– Что-то случилось?

– Не могу успокоиться – волнуюсь...

– О чем?

– Мама увидела, что мы сидим рядом, и, конечно, вмешалась. Она привела этого ужасного Бертрама Фитцаллена-Карра...

– Родственника Луиса? У которого нет подбородка?

– Да, его. Она отправила меня танцевать с ним. И я почти не сомневаюсь: после того как я ушла с Бертрамом, она поговорила с Робби.

– Ну, вряд ли они, стоя рядом друг с другом, могли не обменяться несколькими словами.

– Да. Я знаю. Но у него на лице было такое странное выражение. Словно она его ударила.

– И теперь ты страдаешь, думая, что мама могла сказать ему что-то неприятное?

– Да, и это уничтожает все, потому что между нами не было ничего, кроме дружеского разговора.

– Я бы на твоём месте не беспокоился. Скорее всего, он выглядел расстроенным по совершенно другой причине. Может быть, он вспомнил о чём-то, что забыл сделать. Или о пациенте, которому нужна помощь. – Он успокаивающе сжал её руку. – Вскоре ты его снова увидишь. Прежде всего, скоро свадьба, а потом, я уверен, мы сможем организовать встречу-другую.

– Но если начнется война, вы все уедете в Европу...

– Это вопрос нескольких месяцев – дольше война не продлится. Мы все вернемся домой в лучах славы не позже Рождества.

– Наверно, ты прав.

– Конечно, я прав. Так что перестань беспокоиться – иди лучше потанцуй с кем-нибудь.

– Не знаю, Эдвард. Я чувствую себя такой усталой. Ты не возражаешь, если я уйду?

– Ничуть. Я тебя прикрою, если мама начнет искать.

– Ты такой душка.

– Я стараюсь, Лилли. Очень стараюсь.

Он отыскал Эдварда и извинился, потом взял пальто и шляпу и вышел на улицу. Пройдя полмили до станции метро «Виктория», купил билет за два пенса и сел в первый поезд линии Дистрикт направлением на восток. Он бы предпочел взять такси до дома, но из собственного опыта знал, что найти водителя, который согласился бы поехать в Ист-Энд, практически невозможно.

За окном одна за другой пролетали станции, все сливалось в одно: яркие электрические огни, кричащие рекламные плакаты и безразличные лица незнакомых людей.

Сент-Джеймс-парк. Вестминстер. Чаринг-Кросс.

Леди Камберленд была с ним весьма вежлива, но он видел искорку торжества в её глазах. Вскоре, когда закончатся празднования в связи с женитьбой её сына, будет объявлено о помолвке её дочери. Молодой человек Квентин... – фамилию он не запомнил – был сыном очень близких друзей. Они уже практически представляли собой одну семью. Очень подходящая пара для Элизабет.

Темпл. Блэкфрайерс.

Он должен был предвидеть это. Лилли была прекрасна, обаятельна и общительна, именно такую жену и хотел бы иметь любой мужчина в здравом уме. Вероятно, она просто забыла сказать ему, что у неё есть жених. Вероятно, он просто выдумал то мерцание неудовлетворённости, которое якобы скрывалось за её улыбкой.

Мэншин-Хаус. Кэннон-стрит.

Он пробормотал поздравления, зная, что больше ни минуты не может оставаться в этом доме.

Моньюмент. Марк-Лейн.

Поезд метро уже почти доехал до его дома.

Олдгейт-Ист. Сент-Мэри.

Он будет лечить своих пациентов. Писать истории болезни. Пытаться забыть. Выкорчевать из головы воспоминания о красоте Лилли, о звуке её голоса, о тепле её прекрасных глаз.

Уайтчэпел.

Наконец-то. Он вернулся в тот мир, к которому принадлежал.

– 3 –

5 октября 1914 года

Моя дорогая Лилли,

да, это письмо я пишу все еще из восхитительных окрестностей Барроу-ин-Фернесс ³. Что может быть очаровательнее промозглого, холодного и весьма пахучего военного городка, наполненного людьми, которые доведены до иступления бессмысленной муштрой, муштрой и еще раз муштрой? Все мы пребываем в нетерпении, жаждем как можно скорее покончить с этим. Мы знаем, что долго это не продлится – не может продлиться с учетом обстановки во Франции и Бельгии. Но мы все еще продолжаем ждать приказа собрать вещи и подняться на борт корабля, который отправится во Францию, а это совершенно бесконечное ожидание.

Меня повысили в звании до капитана, но я понятия не имею, почему это произошло. Вероятно, они решили, что лейтенантов слишком много, а потому нужно проредить их ряды. Я надеюсь только на то, что они не собираются посадить меня за стол в каком-нибудь штабе вдали от передовой. Я, конечно, допускаю, что тут не обошлось без вмешательства мамы, но я буду бороться с таким назначением до последнего дыхания. Я должен находиться рядом с моими подчиненными, и она должна это знать.

Спасибо тебе, моя дорогая, за посылку с книгами, журналами и печеньем с тмином от кухарки. Я пишу тебе это письмо, а у меня на шее шарф, связанный твоими руками. Я помню, ты говорила, что не ахти какая вязальщица, но мне он кажется идеальным, несмотря на спущенные петли и все остальное.

Если будешь говорить с Еленой, пожалуйста, передай ей мои извинения – я так еще и не ответил на ее письма. Хотя скука здесь страшная, я тем не менее очень занят, и у меня не хватает времени на письма, которые хочется написать.

Чуть не забыл – ты спрашивала про Робби. Счастливчик – он уже во Франции, работает в одном из госпиталей в Версале (но не в самом дворце!).

Я не сомневаюсь: он будет рад твоему письму. Вот его адрес: Капитан Роберт Фрейзер, МСВСВ ⁴, № 4, Госпиталь общего назначения, 1 бульвар де-ла-Рен, Версаль, Франция.

Заканчиваю – когда поступит приказ отправляться, немедленно сообщу тебе.

Привет всем домашним.

Эдвард

Трудно было поверить, что со времени объявления войны прошло всего чуть более двух месяцев. Когда отец Лилли принес эту новость в дом, а случилось это за завтраком в то августовское утро, ее охватил ужас. Она плохо себе представляла, что такое война, у нее не осталось никаких воспоминаний, потому что она была совсем маленькой, когда шли бои в Южной Африке. Но она не сомневалась: начало войны – не повод для радости, хотя ее родители с удовлетворением приняли это известие.

³ Портовый город на западном побережье Англии.

⁴ Медицинская служба Вооруженных сил Великобритании.

Конечно, объявление войны стало облегчением после нескольких месяцев напряженного ожидания и вопросов. И трудно было удержаться и не сочувствовать тому подъему, которым страна ответила на наступление войны. Радостные толпы, марширующие оркестры и даже поэты выражали свое восхищение войной, а кто такая была Лилли с ее сомнениями?

Не прошло и недели, как Эдвард поступил в армию. Он остался глух к протестам родителей, которые говорили, что он может безопасно переждать войну, он получил лейтенантское звание в Камберлендском батальоне Пограничного полка и был отправлен в Барроу на подготовку. Мама после прощания с ним два дня не вставала с кровати.

Лилли тоже охватил страх, но она, прощаясь с Эдвардом, изо всех сил прятала это чувство. Он и все его друзья, казалось, относились к войне как к замечательному приключению. Им она давала великолепный шанс проявить себя, действовать, закалиться в ее суровых испытаниях, стать лучше. Лилли не сомневалась, что все эти представления имеют мало отношения к действительности – впрочем, она понимала их первопричины. Чего все они успели к этому времени добиться? Они не сделали ничего, а богатства и привилегии свалились на них по праву рождения.

Она не удивилась, узнав, что Робби поступил в армию и теперь использует свои немалые таланты там. Если и существовал один-единственный человек, который знал, что делать со своей жизнью, так это был Робби. И она не встревожилась, узнав, что он во Франции – ведь он будет не сражаться на передовой, а работать в госпитале, где ему будут грозить только те опасности, которые грозят любому человеку в воюющей стране.

С ее стороны было бы безрассудством написать Робби. Ее родителей, если бы они узнали, привела бы в ужас подобная наглость с ее стороны. Робби сейчас наверняка так занят работой в госпитале, что вряд ли ему до писем от человека, которого он едва знает.

Кроме того, ей не давал покоя шепетильный вопрос: а о чем они вообще могли бы переписываться? Описание работы машинки для скатывания бинтов и ситуации неожиданного дефицита бензина вряд ли можно было назвать захватывающими темами.

Она едва знала его. Он был другом Эдварда, а не ее. Она так мало для него значила, что он в день большого приема ушел, даже не попрощавшись.

Но он был так добр с ней. В тот давнишний пасхальный уик-энд он обращался с ней не только как с умным человеком, но еще и как с равным себе, хотя это немало удивляло ее. Его слова, его уверенность в ее способностях вдохновили ее.

С помощью мисс Браун, гувернантки, найденной для нее Эдвардом, и при ее моральной поддержке Лилли посвятила себя занятиям. Она читала подряд все, что могла найти в скудной родительской библиотеке или приобрести за свои еще более скудные карманные деньги. Когда отец начал пресекать ее неподобающий интерес к его ежедневным газетам, она убедила мистера Максвелла спасти их от мусорного бачка. Уединившись в своей комнате, она читала «Таймс» и «Дейли мейл» и мечтала о путешествиях в далекие, экзотические места, описываемые на их страницах.

Ни одна из ее фантазий не сбылась. Она не отправилась в путешествие по миру. Она не поступила в университет. Она пока еще и домашние задания-то честно не выполняла, а потому перспектива поступления становилась, вероятно, совсем призрачной. Если Робби и вспоминал о ней, то, вероятно, как о неудачнице. Она от рождения получила все возможные блага и социальные преимущества, и как же она воспользовалась всем этим? Никак. Совсем никак.

И все же... он, казалось, обрадовался, увидев ее. Он приветствовал ее вопросы и ее интерес к его жизни. Определенно никакого вреда от короткого письма, в котором она спросит о его здоровье, его работе, не будет. Много времени на чтение письма у него не уйдет, и может быть, всего лишь может быть, ее письмо принесет ему капельку радости в конце долгого дня.

Лондон Ю-31
7 октября 1914

Дорогой капитан Фрейзер,

я только что получила письмо от Эдварда с Вашим адресом во Франции, и, поскольку он предположил, что Вы будете рады получить одну-две весточки из дома, я подумала, может быть, мое письмо доставит Вам несколько приятных минут. Я, конечно, понимаю, что Вы ужасно заняты – Вы лечите раненых и времени на себя Вам не хватает, но все же я надеюсь, Вам известно, как все мы здесь гордимся Вами и Вашими коллегами.

Жизнь здесь течет почти без изменений, хотя на улице много людей в форме, а цены на бензин, сахар и мясо выросли невообразимо. И все же я полагаю, это цена, которую мы должны заплатить, чтобы наши войска имели всю необходимую им еду и снаряжение.

Эдвард полон энтузиазма после отправки во Францию, как, вероятно, и вообще все военные. Газеты все еще, кажется, уверены, что война вскоре закончится, но, на мой взгляд, это предсказание вряд ли сбудется, хотя я и мало понимаю в таких вещах. Если война заканчивается, то должно произойти одно из двух событий: обе стороны должны прийти к обоюдному пониманию, что война должна закончиться (а это, я думаю, невозможно по причине высокого уровня ненависти), или же одна сторона должна убедительно преобладать на поле боя. Не нужно быть отмеченным наградами генералом, чтобы знать: этого пока не произошло и не произойдет в обозримом будущем.

Очень надеюсь, Вы в добром здравии и не слишком вымотаны работой. Не нужны ли Вам какие-нибудь книги? Я недавно послала Эдварду посылочку с книгами и журналами, буду рада отправить ее и вам.

Искренне Ваша

Лилли

– 4 –

– Капитан Фрейзер?

– Да, капрал?

– Вам пришли письма из дома, сэр. Я положил их поверх других бумаг на вашем столе.

Еще одна кипа писем, помощи ему Господь. Он находился здесь всего шесть недель, а письма из дома шли нескончаемым потоком. Все доброжелательные, все блаженно несведущие о том, что на самом деле происходит во Франции и Бельгии, но ему все равно приходилось отвечать на них, пусть и через силу.

Спустя какое-то время он стал отправлять всем практически одно и то же письмо. Спасибо за добрые пожелания. Да, я довольно сильно занят, но госпиталь, в котором я работаю, превосходит и отлично оснащен. Еще раз спасибо, что не забываете меня, искренне ваш и т. д., и т. п.

Поступая в армию, он знал, что ничего хорошего не предвидится – он прочитал достаточно об оружии, применявшемся на недавних войнах, а потому ожидал только худшего. Проблема состояла в его ожиданиях и в том, как они искажались реальностью, которую он каждый день видел в палатах.

В роли военврача он знал, как исправить поврежденное, как вылечить рану, как вернуть цельность разломанному на части, даже если травмы на первый взгляд кажутся неизлечимыми. Но как он мог сражаться с невидимым врагом?

Кто-то называл этого врага газовой гангреной. Кто-то – брюшным тифом. Как бы их ни называли, эти болезни были его врагами, убивавшими пациентов одного за другим, как бы долго и тщательно ни залечивал он их раны.

После проведенных им операций нередко проходили день, неделя, две, и тут начинался жар – даже при самом незначительном ранении. Роковая и безжалостная инфекция мучительно убивала его пациентов, миллиметр за миллиметром отравляла их тела.

Чего только они не делали, чтобы избежать заражения! Они каждый день отмывали палаты от пола до потолка, сжигали полевые формы, в которых поступали к ним раненые, промывали их кожу карболовым раствором перед операцией. Они даже оборудовали специальные изоляторы для раненых с признаками жара. И все тщетно.

Он сел за стол, взял пачку писем. Одно от матери, два от коллег в Лондоне, а четвертое... почерк был незнакомый. Женский, почти каллиграфический. Он перевернул конверт и увидел адрес, вытесненный на обороте: Эшфорд-Хаус, Белгравия-сквер, Лондон.

Вот уж чего он никак не ожидал. Письмо от Лилли.

Он вскрыл конверт и быстро, слишком быстро прочитал письмо. Почему она написала ему? Из чувства долга? Или Эдвард попросил ее об этом? Или она написала ему по собственному желанию, чтобы установить с ним какую-то связь?

Он еще раз прочел письмо. Ни слова о ее женихе.

Какова бы ни была причина, она написала ему и, кажется, написала искренне, а потому он вполне может ответить ей.

Госпиталь общего назначения № 4

Где-то во Франции

16 октября 1914 года

Дорогая леди Элизабет,

благодарю Вас за письмо. Я и в самом деле пребываю в добром здравии и не особенно устал, хотя сейчас переживаю не лучшие времена ввиду

трудностей, с которыми мы сталкиваемся в постоперационном периоде наших раненых.

Я во Франции чуть больше месяца, меня переправили сюда через Гавр после трехнедельной офицерской подготовки. Муштра, бесконечные правила и инструкции, которые нужно знать назубок, а хуже всего учебная стрельба – в ней я показал плохие результаты, чем очень горжусь. Когда нас переправили во Францию, я запер свой служебный пистолет в шкафчик и искренне надеюсь, что он останется там до конца войны.

Когда выдавалось свободное время, мы проводили медицинское обследование рекрутов – отправке во Францию подлежат только абсолютно здоровые солдаты. Армия его величества на данный момент может позволить себе быть разборчивой, но настанут времена, когда она будет принимать всех без разбору в возрасте от шестнадцати до шестидесяти, невзирая на рост, здоровье и навыки. Помяните мои слова.

Госпиталь, где я работаю, расположен в отеле, который на время войны используется для нужд британской армии. Это здание своим величием намного превосходит все, где я когда-либо жил или работал, оно, конечно, не может сравниться с домом Вашего отца, но в тысячу раз лучше, чем моя маленькая квартирка в Уайтчепеле или древние больничные палаты в Лондоне. И уж конечно, подача горячей воды в ванны здесь гораздо более устойчивая.

Прежде чем мы разместились здесь, отсюда вывезли всю мебель и предметы искусства, но здание само по себе прекрасно – здесь высокие потолки и громадные окна (хорошо задраенные на случай шального вражеского снаряда), а сады тянутся, насколько видит глаз.

Живу я в маленькой комнатухе на одном из верхних этажей, из окна открывается превосходный вид, которым хотелось бы восхищаться побольше, чем это позволяет моя занятость. Я делю комнатуху с другим военврачом, он хороший парень, но разговаривает во сне, а храпит так, что может и мертвого разбудить. К счастью, я обычно настолько устаю, что засыпаю без проблем.

Еда здесь хорошая, к сожалению, ее готовят повара из военно-медицинского колледжа, а не французский персонал, но еды хватает, и всегда можно что-то перехватить, когда нам до ночи приходится задерживаться на работе.

На этом я с Вами пока прощаюсь. Скоро вновь привезут раненых, а я еще должен успеть проделать кое-какую бумажную работу, прежде чем возвращаться в операционную.

Повторю: я очень рад Вашему письму и надеюсь на нашу дальнейшую переписку.

Искренне Ваш

Р. Фрейзер

31, Белгравия-сквер

Лондон Ю-31

27 октября 1914 года

Дорогой капитан Фрейзер,

я была очень рада Вашему письму, рада вдвойне, потому что мы только что вернулись из Портсмута, где вчера прощались с Эдвардом. Нам удалось побыть с ним всего несколько минут, и в порту была ужасная толкучка, но я была рада возможности увидеть его, услышать его голос перед отправкой во Францию. Он сказал нам, что его батальон прикреплен к одной из индийских бригад – несколько таких бригад были недавно отозваны в Европу, но кроме этого он ничего не знает о своем дальнейшем месте пребывания. Просто «где-то во Франции»⁵, как в поговорке.

Прощаться с ним было тяжело, но, поскольку Эдвард ненавидит слезы и всякие такие нежности, я старалась держать себя в руках. Но я знала, что ему предстоит в ближайшие месяцы, с какими опасностями он встретится, какие увидит ужасы, и все это тяжелым грузом лежало на моих плечах, когда я прощалась с ним.

Мои тревоги, конечно, не идут ни в какое сравнения с теми, что выпали на Вашу долю. Вы упомянули трудности, связанные с уходом за вашими пациентами. У Вас есть все необходимое оборудование и медикаменты? Хватает ли докторов и медсестер для лечения раненых? Мне так хочется, чтобы и для меня нашлось какое-то дело, чтобы и я нашла какой-то способ помочь. Даже если бы это было просто мое присутствие, возможность видеть все невзгоды, которые Вы преодолеваете.

У меня есть кое-какие новости – я вчера получила письмо от мисс Браун, моей прежней гувернантки и моего драгоценного и многолетнего друга. Она весной, перед началом войны, когда впервые заговорили о необходимости волонтерского движения, поступила в ВДП⁶, но недавно решила, что должна сделать что-то большее. Она предупредила о своем желании уволиться мисс Ратбон (члена Ливерпульского муниципалитета, у которой она работала, после того как закончила мое обучение) и с благословения этой дамы поступила на обучение профессии медсестры в Большую центральную больницу Северного Лондона на Холлоуэй-роуд. Для Шарлотты покинуть надежное (и оплачиваемое) место и поступить на работу без оплаты в качестве медсестры-волонтера – настоящий подвиг. Но она надеется на оплачиваемое место, когда получит диплом.

Я не думаю, что Вы знакомы с мисс Браун, но уверена, она бы Вам очень понравилась. Она, кажется, Ваша и Эдварда ровесница, очень начитанная и осведомленная во всех областях. Но при этом она вовсе не стала занудной или педантичной, напротив, она очень общительна и внимательна к людям, с которыми встречается. Где бы она ни оказывалась, у нее повсюду появляются новые друзья – стоит кому-нибудь сесть рядом с ней, как через пять минут она уже знает жизненную историю этого человека. Надеюсь, это ее свойство хорошо ей послужит, когда она станет медсестрой.

Мой собственный вклад в военные нужды весьма скромнен. Мама и папа не позволяют мне поступить в какое-нибудь агентство по оказанию помощи пострадавшим, хотя обе мои сестры поступили в ВДП. Раз в неделю мне позволяют посещать собрание важных персон, мы там собираем посылки для Британского экспедиционного корпуса, скатываем бинты или

⁵ Фраза «где-то во Франции» вошла в песню (американского композитора и автора стихов Роберта Кинга, который для этой песни взял псевдоним Мэри Эрл), впервые исполненную в 1917 году и начинавшуюся словами «Мой милый далеко за океаном, / Мой милый где-то во Франции».

⁶ Вспомогательное добровольческое подразделение.

распускаем старые джемпера на нити для вязки. Я почти закончила вязать мой третий шарф – все более сложное, например, носки или варежки, как это ни прискорбно, за пределами моих скромных навыков.

Хотела послать Вам шарф, но Ваша мама, наверное, обеспечивает вас такими вещами в достаточной мере. Вместо шарфа я посылаю Вам баночку сливового джема. Я помогала (очень немного), когда кухарка готовила его на прошлой неделе, надеюсь, Вам понравится. Сливы пришли с еженедельной посылкой из Камбермир-холла, они были такие сладкие, хоть сразу есть.

А пока я с Вами прощаюсь. Пожалуйста, сообщите мне, что еще я могла бы Вам прислать, чтобы помогло Вам или Вашим коллегам и пациентам.

Искренне Ваша

Лилли

(очень надеюсь, что мне удастся убедить Вас так и обращаться ко мне в будущем)

Госпиталь общего назначения

Где-то во Франции

2 ноября, 1914

Дорогая Лилли,

Когда я пишу это, здесь почти полночь, и я только что увидел Ваше письмо – оно ждало меня, пока я делал последний обход на сегодня. Завтра встану ни свет ни заря, а потому решил ответить Вам немедленно.

Огромное спасибо Вам за сливовое варенье. Чувствую невероятное искушение открыть баночку и попробовать, но, подумав, решил оставить на завтрак.

День сегодня был бесконечно долгим и крайне обескураживающим. Отвечаю на Ваш вопрос о трудностях, о которых я писал в моем прошлом письме: нет, к сожалению, Вы ничего не можете прислать или сделать, чтобы помочь. Но я благодарю Вас за вопрос.

Трудности вызваны тем, что мы здесь называем эпидемической горячкой или брюшным тифом, хотя я не думаю, что эти болезни вписываются в такую квалификацию. Но как бы она ни называлась, это ужасная болезнь, это горячка и инфекция, убивающая людей, которые должны жить, людей, чьи ранения не настолько серьезны, чтобы стать причиной их смерти. Но тем не менее они умирают.

Я считаю (как и большинство других; я ведь не фантазер), что эта болезнь – следствие воздействия мельчайших организмов, бактерий, которые живут в земле. Когда люди получают ранение, на их раны попадает земля, и тут вступают в действие бактерии, которые сводят на нет все лечебные действия докторов. Боюсь, что все именно так просто. У нас нет ни вакцины, ни лекарства, ни методов лечения, которые могли бы справиться с этой болезнью, когда она начинает поедать человека.

Я сегодня в одиннадцать часов утра видел одного пациента – он по всем показателям шел на поправку после операции, сделанной два дня назад. К часу дня у него появились симптомы инфекции. А в полночь он уже умер.

Лилли, я чувствую себя абсолютно беспомощным и подавленным, и простите, что нагружаю Вас этой информацией. Надеюсь, вы еще напишете мне. Если напишете, обещаю ответить что-нибудь более приятное.

Давайте лучше поговорим о Вашей работе. Вы сказали, что Ваша мама не позволяет вам стать полноправным членом какой-либо из служб, что, конечно, печально, но, может быть, вы смогли бы рассмотреть другие варианты? Например, когда мисс Браун обоснуется в Лондоне, вы могли бы спросить ее, есть ли потребность в волонтерах, которые читают раненым или помогают им писать письма домой. Дни пациентов в палатах для выздоравливающих тянутся медленно, в особенности тех, чьи семьи находятся далеко и не в состоянии посетить их.

Поскольку я вот уже в течение нескольких недель почти не выхожу из госпиталя, никаких сувениров для вас у меня нет. Но я подумал, вам понравятся молодые листики с лип, которые растут в саду при отеле. Цветения в эту пору года нет, так что нет и никаких запахов, но сами деревья прекрасны.

Искренне Ваш

Робби

(давайте дальше без «капитанов», я вас умоляю)

– 5 –

Северный Лондон

Ноябрь 1914

Лилли обвела глазами остатки их с Шарлоттой легкой послеполуденной трапезы. От башни сэндвичей с ветчиной и говяжьим языком на одной тарелке и небольшой горки кексов с изюмом и цукатами на другой остались только крошки. Но в чайнике все еще было немало чая.

Шарлотта, как всегда, выглядела прекрасно, хотя ее наряды и отставали от моды не менее чем на год и были гораздо проще всего, что выбрала бы для себя Лилли. Ее простая белая блузка с длинными рукавами и отложным воротником не имела никаких украшений, как и юбка в обтяжку до колен. Но шерстяная шляпка с фетром была достаточно вычурна, широкие загнутые вверх поля отделаны рубчатым плисом цвета морской волны, а пальто пошито на элегантный военный покрой.

Они встретились впервые после приезда Шарлотты в Лондон двумя неделями ранее. Поначалу ее еженедельные неполные рабочие дни были заняты поиском жилья и обустройством, но, благополучно покончив с этим, она написала Лилли и предложила встретиться в следующую среду в кондитерской Эй-би-си на Холлоуэй-роуд близ больницы.

Мать Лилли не очень возражала против поездки дочери через весь Лондон, чтобы посидеть в кондитерской, хотя и настояла, чтобы Лилли взяла с собой одну из горничных. Придя в себя от возбуждения после поездки в такси, Сара Джейн устроилась за столиком неподалеку и с удовольствием приняла предложенные Лилли чай и ломтик кекса с тмином.

– Хотите еще что-нибудь, Шарлотта? Булочку с кремом?

– Нет, я не должна есть булочки с кремом. Иначе старшая медсестра найдет меня в конце дня спящей в кладовке для белья. Хотя с утра я была свободна от работы.

– Она такая свирепая?

– Ничуть. С виду, конечно, суровая, иначе ей всех нас не удержать в рамках. За это ее нужно уважать. Я думаю, она очень справедливая, в особенности по отношению к тем девушкам, которые не жалеют себя на работе.

– Я не могу себе представить, как можно быть медсестрой и жалеть себя на работе.

– Некоторые пытаются, но долго они не выдерживают. Стоит им раз посмотреть на тяжелую травму или на грязь, которую им нужно убирать, как они либо падают замертво, либо бросаются к выходу.

– Я полагаю, вам без них только лучше.

– Я тоже так думаю, – согласилась Шарлотта, наливая им обоим по еще одной кружке чая.

– Как далеко отсюда до вашего жилья?

– Не очень далеко. Я нашла комнату в небольшом доме в Камден-Тауне, в двух милях отсюда по дороге. Чистенько и не очень дорого. И домохозяйка – женщина с характером. Одна из таких доброжелательных дамочек, которые суют нос в чужие дела. Вы таких наверняка знаете.

– Родители вам пишут?

– Как заведенные. Я им отвечаю раз в несколько дней, главным образом, чтобы успокоить их, убедить, что моя новая профессия меня не испортила и я не стала жертвой какой-нибудь венерической болезни. Это тот минимум, который я могу себе позволить с учетом того, что они мне помогают. Меня гнетет, что я в мои годы живу на деньги родителей, но это ради большего блага.

– И всего лишь на короткое время, как вы сказали. Пока не станете дипломированной медсестрой. А тогда вы сможете рассчитывать на хорошее место.

– Да. Хотя никаких гарантий нет.

– Я так вами горжусь. Бросить все – должность, друзей – и приехать сюда на такую тяжелую работу.

– Спасибо, но в этом нет ничего героического. Тысячи других женщин делают то же самое. – Она посмотрела на Лилли проницательным взглядом карих глаз, который за очками казался еще проницательнее. – А это наводит нас на вопрос о том, чем собираетесь заниматься вы. Вы столько говорили о работе в помощь армии, столько повторяли, что хотели бы внести свой вклад, но так и не сделали ни одного шага в этом направлении. По крайней мере, насколько это известно мне.

– Я хочу, очень хочу, но...

– Но?

– Мама и слушать ни о чем таком не желает. Стоит мне два слова сказать на эту тему, как она готова разорвать меня в клочья. И у меня нет никаких навыков, никакого своего умения я не могу предложить. Да и что бы я смогла делать? Я никогда не сумела бы стать медсестрой, как вы. Я знаю, они бы меня никогда не приняли.

– Откуда вы знаете? Вы спрашивали у них?

– Если честно, нет, – начала Лилли, чувствуя себя загнанной в угол.

– Так спросите. Я говорю это вам не для того, чтобы досадить или как-то вас пристыдить. Я прекрасно знаю, какой непререкаемой бывает ваша мать. Но если вы этого хотите, хотите по-настоящему, то вы должны действовать.

– Вы правы. Конечно, вы правы.

Шарлотта сделала несколько глотков чая, прежде чем заговорить снова.

– А что говорит капитан Фрейзер?

– У него были какие-то предложения. Он полагает, я могу читать раненым. Или помогать им писать письма.

– Отличная идея. Но для начала вам нужно поступить в ВДП.

– Мама возражает против этого. Я не понимаю почему – ведь обе мои сестры уже там.

– Они замужем и предположительно отвечают перед своими мужьями. Так что она ничего не могла им запретить.

– Пожалуй.

– Может быть, вам стоит найти себе мужа. Это легкое решение. И ваша мать будет только рада.

– *Шарлотта!* От вас я никак этого не ожидала...

– Почему не ожидали? Я никогда не говорила, что не хочу выйти замуж.

– Но я думала...

– Вы и все остальные так думали. Включая моих родителей. Я ничуть не против замужества, хочу, чтобы вы об этом знали. Проблема только в том, что я никогда не встречала никого, за кого я бы хотела выйти.

– Никогда?

Шарлотта отвернулась, посмотрела в окно на шумную дорогу за стеклом.

– Никого, за кого я бы *могла* выйти. А это, как я знаю, дело другое.

– Я могла бы выйти за капитана Фрейзера, – выпалила Лилли. – То есть я хочу сказать, если я когда-нибудь и выйду замуж, то он – именно такой мужчина, какой мне нужен. Я не говорю, что интересую его, потому что я его ничуть не интересую. Но если бы он...

Шарлотта перестала разглядывать автомобили на Холлоуэй-роуд.

– И он во всех этих своих письмах ничего такого не говорил? Не делал никаких намеков?

– Мы не больше чем друзья. Не стоило мне сейчас об этом говорить. Как глупо с моей стороны.

– Вовсе нет. И мне, хотя я его никогда не видела, кажется, что он именно тот мужчина, который вам нужен. Если вы когда-нибудь надумаете выйти замуж.

– Он так не похож на других мужчин, которых я знаю. Мои родители считают его вульгарным из-за его простонародного происхождения, но он ничуть не вульгарен. Он смелый и ужасно умный... И он ничему не позволил удержать его здесь, дома.

– Именно. Точно так же и вы должны поступить.

– Знаете, он кое-что сказал мне вечером в день обручения Эдварда и Елены. Он сказал, что идет двадцатый век, и женщины могут и должны делать все, что они хотят делать. Я этих слов никогда не забываю.

– И все же вы их забыли. Поэтому вы до сих пор под каблуком у вашей мамы и все еще сидите дома и жалеете себя вместо того, чтобы сделать то, что считаете правильным.

– Вы правы.

– Конечно, права. Так что вы будете делать?

– Я... я не уверена.

Шарлотта смерила Лилли пристальным, недоумевающим взглядом из-под очков, – так она порой смотрела, когда еще была гувернанткой, а Лилли – ученицей, и ученица давала неубедительный и непродуманный ответ на поставленный перед ней вопрос.

– Но я подумаю об этом, обещаю. Возможно, для начала обращусь в ВДП, возможно, в ТДЧПП⁷.

– Отлично. А если их ответ вас разочарует?

– Тогда я придумаю что-нибудь другое.

⁷ Территориальная добровольческая часть первой помощи.

– 6 –

Белгравия-сквер, Лондон

Декабрь 1914

Лилли всегда чувствовала приближение матери – у нее были такие характерные шаги, четкие, резкие. Даже неумолимые.

– Элизабет! Вот ты где.

– Да, мама. Я сюда пришла сразу после завтрака.

Лилли закрыла книгу, лежавшую у нее на коленях, но прежде этот том уже успел привлечь внимание матери.

– Я вижу. *Читаешь.*

– Да, мама.

– Почему ты с таким упорством проводишь дни, уткнувшись в книгу носом? Учение – дело хорошее, Элизабет, но как ты найдешь подходящего молодого человека, если целыми днями прячешься здесь?

Лилли прикусила язык, с которого чуть было не сорвался ответ: все молодые люди, которых она знала, сегодня находились далеко от Лондона – ответили на призыв взяться за оружие. Она, прежде чем ответить, досчитала до десяти.

– Если бы я помогала армии, исполняла свой долг, как другие, то я бы не заполняла свои дни чтением.

– Твой долг не выходит за рамки семьи.

– Но, мама...

Мать Лилли, держа спину очень прямо, подошла к одному из окон, выходивших на классический сад.

– Пожалуйста, позволь мне продолжать, Элизабет. Твой отец, твои братья и сестры, наши дома – все это труд моей жизни. И я отдала этому ту же энергию и упорство, что отдают мужчины, стремясь к достижению своих целей. Ты наверняка можешь оценить плоды моих трудов.

– Конечно. И пожалуйста, верь мне, когда я говорю, что благодарна тебе. Но...

– Что «но», Элизабет?

Что она могла сказать? Конечно, Лилли чувствовала себя благодарной, но еще она знала, что жизнь ее матери – не ее жизнь.

– Только ты подаешь это так, словно я все отвергаю. Будто не хочу стать женой и матерью. Очень даже хочу. Но не сейчас. Я еще слишком молода...

– Чепуха. Мне было восемнадцать, когда я вышла за твоего отца, а в девятнадцать я уже родила Эдварда.

– Мама, позволь мне договорить, – умоляющим голосом сказала Лилли. – Ты знаешь, ты знаешь, что я пока не этого хочу. Может, мои желания изменятся, когда война закончится. А до этого времени...

Мать подошла к Лилли и села рядом с ней, в бурном порыве сжала руку дочери. Лилли с удивлением посмотрела на нее: мать никогда к ней не прикасалась, если не считать редких поцелуев в щеку.

– Я понимаю, что это трудно, моя дорогая. Очень даже понимаю. Практически все девушки твоего возраста, кажется, рвутся надеть форму. Но это обычные девушки, из простых. Ты – другая. Ты предназначена для большего.

Прежде чем Лилли успела ответить, мать поднялась с дивана и двинулась по комнате, стараясь за несколько секунд взять себя в руки. Лилли за многие годы наблюдения поняла, что «взять себя в руки» – это некий внутренний процесс, быстрое перестроение и восстановление

умственного равновесия в голове матери. Другая женщина могла проявить беспомощность, проведя рукой по волосам или разглаживая юбку, но не мама.

– Хватит, Элизабет. Нас ждет на второй завтрак леди Уалсингхам. Или ты забыла?

– Нет, мама, не забыла.

– Тогда я в половине первого – и ни секундой позже – жду тебя внизу у лестницы. Нам, чтобы добраться до места, понадобится не меньше получаса.

После слов матери воображение Лилли разгорелось.

– Хорошо, мама. Позволь спросить...

– Да.

– Мы на Рождество едем в Камбрию?

– Конечно. Почему бы нам туда не ехать?

– Ты не будешь возражать, если я потом там и останусь? Не буду возвращаться в Лондон с тобой и папой?

– Зачем тебе там оставаться?

– Там тихо-спокойно, почти никаких разговоров о войне. Мне было бы легче, если бы я осталась в Камбрии.

– Хорошо. Думаю, в этом есть резон. Это все?

– Да, мама.

В Камбрии она сможет проводить время так, как ей хочется. А чего ей хочется, она решила только теперь – она хочет научиться водить машину.

Рождество в Камбермир-холле прошло тихо – Эдвард находился во Франции, а ее сестры остались в Лондоне со своими семьями. Ее младший брат Джордж на неделю вернулся домой из школы, и Лилли показалось, что он с лета вырос не менее чем на фут.

Родители оставались в Камбрии до Нового года, а брат на день дольше, но она выждала еще неделю, прежде чем предпринять следующий шаг. К тому времени Лилли стало ясно, что домашняя прислуга не получала инструкций следить за каждым ее шагом, а это означало, что она может гулять и ездить по землям поместья без компаньонки. Если кто-нибудь и заметит, что она почти каждый день проводит в обществе отставного шофера ее отца, то не сочтет это за нечто из ряда вон выходящее. Она ведь в детстве всегда ходила по пятам за Джоном Принглом, так какой вред может произойти от этого теперь?

Джон Прингл, которого по причинам, неизвестным Лилли, всегда называли по имени и фамилии, жил с престарелыми родителями в коттедже на земле поместья – коттедж этот семья получила в дар за многолетнюю службу отцу и деду Лилли. Джон Прингл был человеком тихим и болезненно застенчивым, он страдал ревматизмом, который и стал причиной его преждевременного отказа от службы на полную ставку.

Начала она с того, что стала приходить к нему, в его крохотный садик, помогать с уборкой зимнего урожая овощей и подготовкой клумб к весне. А как-то в конце января выдался день, когда погода стояла прохладная и влажная, и работать в саду было слишком уж противно.

– Ну, сегодня вам лучше возвращаться назад в большой дом, – сказал Джон Прингл, когда она постучала в дверь коттеджа. – Работать сегодня в саду не имеет смысла.

– И что же вы будете делать, если не работать в саду?

– Да вот думаю сходить в гараж и проверить автомобили, – ответил Джон Прингл. – Погода стоит влажная, если я не присмотрю за ними сейчас, то потом придется попотеть, чтобы поставить их на колеса.

– А можно мне с вами? – спросила она, чувствуя, как забилося ее сердце. Если он не позволит...

– Как вам угодно. Я всего лишь собираюсь завести ненадолго двигатели, убедиться, что они работают.

Так все и началось. Она не отходила от Джона Прингла, пока он осматривал машины, смотрела, что он делает, внимательно его слушала. И когда неделю спустя спросила, может ли она попробовать себя за рулем, он возражать не стал.

Он провел ее к пристройке конюшни, где пережидали зиму автомобили поместья, оглядел ряд авто, обошел каждое, бормоча что-то себе под нос. Потом, сделав выбор, с широкой улыбкой на лице обратился к ней.

– Мы начнем со старого купе лорда Эшфорда. «Воксхолл-принц-Генри» – настоящий красавец. Водить его не составляет труда, хотя с движком другая история. Садитесь. Я его выведу, а потом вы попробуете.

Джон Прингл был лучшим из учителей, терпеливым, мягким и абсолютно невозмутимым. Этот опыт обучения, вероятно, был для него сплошной мукой с учетом того, что она целую неделю осваивала выход из первой передачи, но с виду он, казалось, наслаждался этим вызовом.

Понемногу, день за днем, неделя за неделей он научил Лилли водить авто. Сначала «Воксхолл», а потом и другие. Еще он настоял на том, чтобы научить ее водить единственный грузовичок в гараже поместья – темпераментный четырехтонный «Торникрофт», у которого была отвратительная привычка срываться с тормоза и дергаться вперед, когда она уже уставала прокручивать двигатель рукояткой и собиралась прекратить.

Куда как менее занятыми были уроки по обслуживанию авто, но Джон Прингл настаивал на их необходимости. И она покорно училась разбирать двигатель и собирать его деталь за деталью, самостоятельно заменять проколотые покрышки.

Вскоре она стала чувствовать себя вполне уверенной за рулем всех машин, которые были в гараже, включая и грузовичок.

Теперь она могла обратиться в ВДП или ТДЧПП, предложить себя в качестве водителя. Наверняка кто-то там заинтересуется и ей предложат место, думала Лилли. Когда этот вопрос будет разрешен, она обратится к Эдварду, потому что, если и он поддержит ее, родители, может быть, уступят, как уступили, когда она попросила нанять гувернантку по ее выбору.

К лету она найдет собственное место в этой войне. Она не сомневалась.

– 7 –

Камбрия, Англия

Март 1915

Она вот уже три недели как не получала писем от Робби. Промежуток времени не ахти какой великий с учетом того, что почта из Франции поступала довольно нерегулярно, к тому же, вполне вероятно, он мог быть завален работой в госпитале и ему не удавалось выкроить время, чтобы написать ей. Но она все равно беспокоилась.

Она закончила очередной ряд, отложила вязанье и села за новое письмо к нему. У него могло не быть времени ей писать, но у нее такой причины не было. А он не раз писал ей, что всегда с нетерпением ждет ее писем.

Поначалу Лилли не обратила внимания на слабое позвякивание вдали. И только когда мистер Петри, помощник дворецкого, постучал в дверь маленькой столовой при кухне, она вспомнила о существовании телефона в библиотеке. Телефон установили уже несколько лет назад, но им так никто и не пользовался. Почта обычно работала достаточно эффективно, а для всяких срочных сообщений существовал телеграф.

– Прошу прощения, леди Элизабет. Вам телефонный звонок из Лондона. От мистера Максвелла.

Холодок страха пробежал по спине Лилли. Мистер Максвелл никогда бы не стал ей звонить без прямого распоряжения ее родителей. А родители воспользовались бы телефоном только в случае крайней необходимости.

Эдвард. Что-то случилось с Эдвардом.

Она бросила вязанье и понеслась по коридору в библиотеку, к низкому столику в углу, где установили невзрачный аппарат.

Она схватила трубку дрожащей рукой, поднесла к уху.

– Да?

– Это вы, леди Элизабет?

– Да, мистер Максвелл.

– Леди Камберленд попросила меня сообщить вам...

Следующие слова утонули в шуме помех.

– Простите, мистер Максвелл, я вас не слышала. Не могли бы вы повторить, что сейчас сказали?

– Прошу прощения. Я сказал, что леди Камберленд попросила меня сообщить вам, что лорд Камберленд не придет в Камбермир-холл на Пасху. Поэтому ее светлость просит вас вернуться в Лондон.

И это и было поводом для звонка? Ее вызов в Лондон?

– Хорошо. Моя мать больше ничего не просила передать?

– Только то, что она просит вас выехать немедленно. Одиннадцатичасовым поездом, если в первом классе еще остались места. Она сказала, чтобы вы привезли с собой одну из горничных. Дорис.

– Ясно. Меня встретят на вокзале?

– Ее светлость сказала, чтобы вы взяли такси, когда приедете. Мистер Петри выдаст вам достаточно средств на поездку.

– И это все, мистер Максвелл?

– Да, леди Элизабет.

– Тогда, полагаю, мы увидимся сегодня вечером. Спасибо за звонок.

Из всех не деликатных способов потребовать ее возвращения в Лондон ее мать выбрала самый не деликатный. Она наверняка знала, что любой из способов оповещения, кроме про-

стого письма, приведет Лилли в испуг. Мама не могла этого не знать, но, видимо, испуг дочери мало ее волновал.

Лилли посмотрела на часы на каминной полке: они показывали четверть десятого. У нее почти не оставалось времени, чтобы одеться и собраться в поездку, сообщить Дорис, что они уезжают, сбежать в конюшню, чтобы сообщить Джону Принглу о ее отъезде в Лондон.

Шел дождь, и она набросила на плечи старый, выдавший виды макинтош, надела резиновые сапоги и побежала по заднему двору к пристройке к конюшне. Джона Прингла она не увидела, зато услышала – он возился с чем-то в дальней части пристройки. Вероятно, опять чистил засорившийся карбюратор.

– Джон Прингл? Это Лилли.

Он появился из-за капота «Торникрофта» со щеткой в одной руке и неисправным карбюратором в другой, на его лице застыло выражение мрачного удовлетворения.

– Сколько времени потратил, чтобы отсоединить его. Посмотрите на все эти отложения.

– Я не могу остаться с вами, но хотела вам сообщить кое-что. Мне только что звонили из Лондона.

Он побледнел.

– Что-то случилось с лордом Эшфордом?

– Нет, ничего подобного, слава богу. Родители просят меня приехать на Пасху. Не знаю, когда смогу вернуться. Надеюсь, не более чем через несколько недель.

– Мисс Лилли... мне нужно сказать вам кое-что.

– Да, Джон Прингл?

– Когда мы на днях выезжали на грузовике, нас видел викарий. Я думаю, он удил рыбу в речушке, когда мы проезжали по мосту. Он был недоволен, увидев вас за рулем.

– Он довольно старомоден в таких делах.

– Проблема, мисс Лилли, в том... что он потом приходил ко мне. Сказал, что собирается написать вашему отцу. Сообщить ему, что у вас на уме. Я не думал, что от этого выйдет какой-то вред, когда он мне сказал. Подумал, что он делает из мухи слона. Но теперь...

– Понимаю.

– Ваши родители знают об уроках?

– Мне не приходило в голову сообщить им, – ответила она. Ложь: она не хотела сообщать им. – То есть я не думала, что это может их каким-то образом заботить.

Тоже ложь.

– Может быть, все это тут и ни при чем. Просто они хотят видеть вас на Пасху.

– Может быть. Но все равно... я не допущу, чтобы вам досталось за это, Джон Прингл.

Клянусь вам.

– Да обо мне и не думайте. Вам нужно на поезд успеть. Поспешите.

– Желаю вам счастливой Пасхи, и, пожалуйста, передайте мой привет вашим родителям.

– И вам того же желаю, мисс Лилли.

Она бегом вернулась в дом, уложила свои вещи в чемодан, попросила подготовить коляску до Пернита. Ее тревога росла с каждой минутой. Ну почему она, идиотка, не была осторожнее? Их мог видеть кто угодно. Чудо, что никто не написал ее родителям раньше.

И хотя она пыталась не принимать всерьез озабоченность Джона Прингла, она при этом прекрасно понимала, что ее ждет в Лондоне. Сущий кошмар.

Не успела Лилли войти в Эшфорд-хаус, как мистер Максвелл бросился ей навстречу.

– Леди Элизабет! Слава богу, вы приехали.

– Что-то случилось, мистер Максвелл? Надеюсь, я не очень опоздала.

– Нет, леди Элизабет. Просто ваши родители... они ждут вас в голубой гостиной.

Лилли поднялась по лестнице, удушающие щупальца страха мешали двигаться. Родители никогда не спешили встретить ее с объятиями, когда она возвращалась откуда-то домой.

Мать неподвижно сидела за столом в центре гостиной, а отец нервно выхаживал по комнате за спиной жены.

– Мама, папа... в чем дело? Что случилось? – Комната чуть не опрокинулась перед ней, и ей пришлось схватиться за дверной косяк. – Эдвард? – спросила она, и глухое эхо ее голоса разорвало тишину в комнате.

Ее отец поспешил к ней, подвел ее к стулу по другую сторону стола от матери.

– Нет, твой брат в порядке, насколько нам известно, – сказал он. – Боюсь, тут дело в другом.

Наконец леди Камберленд подняла глаза, и Лилли показалось, что мать сейчас увидела ее впервые в жизни. Она подняла с колен стопку писем и швырнула их на стол.

– Что это такое, Элизабет?

Лилли взяла верхнее письмо и в ужасе увидела, что оно, как и все остальные, от Робби.

– Значит, вот почему я в последнее время не получала от него писем. Вы похищали всю мою почту или только письма от капитана Фрейзера?

– Молчи! – вскрикнула ее мать. – Я тебя спасаю от самой отвратительной связи. Чем меньше тебе придется общаться с этим человеком, тем лучше. Как давно ты с ним переписываешься?

– Ты не имеешь права задавать мне такие...

– *Как давно?*

Бешенство в голосе матери так не вязалось с ее обычным поведением, что пугало Лилли.

– С осени. Как давно ты похищаешь эти письма?

– Я прочла все твои входящие и исходящие письма с января, когда одно из его писем было доставлено сюда. Я его, естественно, вскрыла и пришла в ужас. Он обращается к тебе по имени. Он пишет о вещах, которых ни одна порядочная молодая женщина не должна знать...

– Он ведет себя со мной честно. Он меня уважает.

– Ты глупая девчонка. Это все равно что связаться с лавочником. Я действую в твоих интересах. Чтобы ты не вышла замуж за бог знает кого...

– Капитан Фрейзер стоит десятка расфуфыренных, пустоголовых, никчемных оболтусов, которых ты пытаешься подsunуть мне год за годом. Ты понятия не имеешь, чем он занят, а если бы имела, то не списала бы его так вот запросто со счетов, – сердито оборвала ее Лилли.

Мать удивленно уставилась на нее – для нее в новинку было слышать такие страстные речи от дочери. Лилли решила, что должна вернуть разговор в более спокойное русло.

– Извини меня за эту вспышку, мама. Да, я восхищаюсь капитаном Фрейзером. Да, мы переписываемся уже несколько месяцев. Но ты же своими глазами видела, что это совершенно невинная переписка.

– Ничего невинного в этих письмах нет, а потому вашей переписке должен быть положен конец.

Прежде чем Лилли успела возразить, ее мать сообщила еще одну новость.

– И это еще не все. Мы получили письмо от викария. Мистер Берджесс пишет, что видел тебя за рулем грузового авто из поместья.

Ответить на это она могла только куражом.

– Откровенно говоря, я и не думала, что это может вас как-то беспокоить. Вы же никогда не запрещали мне садиться за руль.

– Мы, может, и не облекали этот запрет в слова, но тот факт, что ты скрывала это от нас, говорит, что ты прекрасно понимала, как я буду на это реагировать. Ты в очередной раз продемонстрировала, какая ты двуличная, какая неблагодарная...

– Ах, мама. Только ты и можешь считать такое безобидное занятие, как вождение авто, актом двуличия. Признаю, наверное, мне следовало быть более открытой с тобой. Но вы двое упорно считаете меня малым ребенком, к тому же пустоголовым. А мне уже двадцать, почти двадцать один. Давно пришло время дать мне столько же свободы, сколько имеют мои ровесницы.

– Не пытайся отвести разговор в сторону от твоих проступков, Элизабет. Ты прекрасно понимаешь, что нам придется уволить Джона Прингла.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Лилли смогла ответить.

– Он не сделал ничего плохого, и вы это знаете.

Мать больше не смотрела на Лилли напрямую, ее глаза теперь были прикованы к какой-то точке на дальней стене.

– Мы с твоим отцом решили дать ему и его семье две недели на то, чтобы собраться и покинуть коттедж. Это более чем щедро.

– Джон Прингл работал на нашу семью всю жизнь. Как и его родители. И вы хотите выставить его за дверь из-за такого пустяка?

– Он должен был думать головой, прежде чем пятнать семейную репутацию подобным образом.

Безмерное отчаяние охватило Лилли. Она подошла к отцу, прикоснулась пальцами к его рукаву.

– Как ты можешь стоять в стороне и допускать такую несправедливость? Принглы верно служили семье на протяжении нескольких поколений. Обращаться с ними таким образом отвратительно и заслуживает всякого презрения.

Но ее отец, не желая вмешиваться, отвернулся.

Чувство стыда охватило Лилли, горькое, как желчь, губительное своей силой. Чтобы ее действия привели к такому бедствию для Принглов, чтобы беззаботные часы с Джоном Принглом стали причиной его несчастья... как же она не предвидела такой реакции матери?

А потом к ней пришло понимание, что именно на такую конфронтацию с родителями она и надеялась. Она знала, хотя и не признавалась в этом себе, что начало открытой битвы между ними – всего лишь вопрос времени.

Как она могла быть такой бездумной, такой эгоистичной? Но хуже этого было понимание того, что назад пути нет. Как бы она ни унижалась, как бы она ни умоляла за Принглов, ее мать ни за что не отступит.

Во рту так пересохло, что ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы ответить. Наконец она нашла слова.

– И вы не измените своего решения? Не позволите мне доказать, что я достойна доверия? Не позволите мне доказать вам, что Джон Прингл невиновен и предан тебе и папе?

– И чего мы этим добьемся? Ты уже не раз доказывала, что доверять тебе нельзя.

– Тогда, я полагаю, добавить нечего.

– Верно, – отрезала ее мать. – Немедленно ступай в свою комнату.

– Хорошо. Но только для того, чтобы собрать свои вещи.

– О чем это ты говоришь, черт побери?

– Мне жаль, очень жаль – вы даже и представить себе не можете, насколько мне жаль. Но я с вами жить больше не могу. После вашего решения поступить с Джоном Принглом и его семьей так, как вы собираетесь поступить, я могу распорядиться своей жизнью так, как хочу.

Она помедлила у двери, ее колени так дрожали, что она сама удивлялась, почему еще не упала. Еще шаг – и с этим будет покончено.

– До свидания.

– 8 –

Ярость подпитывала отступление Лилли по лестнице, по коридору, по которому она прошла в свою спальню – комнату, которая через считанные минуты перестанет быть ее. Повернув ключ в замке, она рухнула в каминное кресло, которое стояло здесь с незапамятных времен.

Драгоценные минуты уходили, пока она пыталась побороть нахлынувшую на нее волну паники. «Успокойся, – сказала она себе. – У тебя есть кое-какие средства. Не пропадешь. Сможешь».

Раздался осторожный стук в дверь.

– Леди Элизабет?

– Да?

– Это мистер Максвелл, леди Элизабет. Ее светлость, гmmm... сказала, что вы покидаете нас. Могу я чем-то быть вам полезен? Может быть, вызвать такси?

Она отперла дверь, взглянула на доброе лицо мистера Максвелла и поймала себя на том, что глотает слезы.

– Да, такси мне будет нужно. Я буду готова через несколько минут – надо собрать вещи.

– Конечно, леди Элизабет. И если я или остальной персонал еще чем-нибудь можем быть полезны...

– Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Я буду в полном порядке. Обещаю вам.

У Лилли ушло полчаса на то, чтобы упаковать всю свою жизнь в один большой чемодан и два маленьких саквояжа. Ее самые простые юбки и блузы легли в чемодан вместе с сапогами и двумя халатами. В первый саквояж она уложила два дневных платья, самых простых из тех, что у нее были, и достаточно нижнего белья, чтобы хватило на то время, пока она не устроится. Во второй она положила только книги – ограничилась десятью, но саквояж стал тяжелым, как наковальня. Больше она ничего не взяла, кроме шкатулки со своими ювелирными украшениями, которые спрятала на дно чемодана вместе с пачкой писем от Эдварда, Робби и Шарлотты, а также фотографией в рамочке: брат в военной форме.

Пришло время уходить. Она взяла свою поклажу и вышла в последний раз из своей комнаты, не позволив себе оглянуться на прощание.

Увидев, как она чуть не падает под тяжестью своего багажа, мистер Максвелл бросился ей на помощь.

– Позвольте мне помочь вам, леди Элизабет.

– Спасибо, мистер Максвелл, но я должна научиться обходиться своими силами.

Такси ждало у дверей. Когда шофер погрузил ее вещи в багажник, она приготовилась попрощаться с мистером Максвеллом.

– Вы знаете, куда едете, леди Элизабет?

– Сейчас к мисс Браун. Я знаю, она меня примет. И еще, мистер Максвелл...

– Да, леди Элизабет?

– Спасибо вам за все. Вы всегда были так добры ко мне. Пожалуйста, попрощайтесь от моего имени с Флосси и кухаркой... и всеми остальными.

Он торжественно кивнул.

– До свидания, леди Элизабет.

Путь до дома Шарлотты занял гораздо больше времени, чем она ожидала. Она уже начала думать, что шофер заблудился, когда они свернули за угол и остановились перед аккуратными георгианскими таунхаусами.

– Приехали, мисс. Вы просили дом двадцать пять?

– Да, спасибо. Вы не могли бы подождать минутку? Я должна убедиться, что моя подруга дома.

Лилли пересекла улицу и постучала в дверь. Поначалу ответом ей было молчание, тогда она постучала еще раз, теперь громче.

– Сейчас, сейчас! – услышала она голос откуда-то из дальней части дома. – Дайте нам минуту, бога ради.

Наконец она услышала, как аккуратно поворачивается ключ, сдвигаются защелки.

– Вы хоть представляете, который час?

Дверь открылась чуть больше чем на дюйм, но лица за дверью в эту щель она так и не смогла увидеть.

– Прошу прощения, но могу я увидеть мисс Браун? Она дома?

– Конечно, она дома. Кто ее спрашивает?

Лучше обойтись без титулов, решила она, иначе она рискует осложнить ситуацию.

– Меня зовут Лилли... Лилли Эшфорд. Я подруга мисс Браун. Очень извиняюсь за поздний час.

Хозяйка дома открыла дверь и сделала Лилли знак войти. Бросив лихорадочный взгляд на ожидавшее ее такси, Лилли шагнула внутрь. Она не забыла взять с собой свой ридикюль, но все остальные ее вещи лежали в багажнике. Если шофер устанет ее ждать и уедет...

– Лилли? Это вы?

На лестничной площадке появилась ее подруга, увидела выражение лица Лилли и мгновенно взяла бразды правления в свои руки.

– И ничуть не поздно. Входите, входите. Это ваше такси ждет там?

– Да...

– Я сейчас сбегаю – расплачусь с ним. Одну минутку.

Это была самая долгая минутка в жизни Лилли, минутка эта стала тем мучительнее, когда домохозяйка Шарлотты поняла, что багаж из трех предметов вытащили из багажника и теперь несут к ее входной двери. Прежде чем домохозяйка успела возразить, таксист поставил поклажу в холле и ушел.

– И что все это значит? – спросила женщина, и ее невысокая округлая фигура вся надулась, словно она была испуганным голубем.

Шарлотта встала перед Лилли, словно защищая ее от неизбежных побоев.

– Очень извиняюсь, миссис Коллинз, я собиралась спросить вас. А потом, должна признаться, совершенно забыла.

– Что забыли?

– Спросить, можно ли моей подруге остановиться у меня. Всего на несколько дней. Она милая девушка, миссис Коллинз. Вы таких любите. И она очень тихая.

– Тихая, как сейчас?

– Я, конечно, настаиваю на том, чтобы покрыть все дополнительные расходы, которые вы можете понести.

– И надолго она собирается остаться?

– Нет, ненадолго. Я верно говорю, Лилли?

– Да, совсем недолго. Всего несколько...

– Ну, видите, миссис Коллинз? И я вам гарантирую: она вам не доставит никаких хлопот. Встревоженное выражение на лице домохозяйки чуточку смягчилось.

– Оставайтесь, если надо, но только чтобы не шуметь. Ваша подруга может лечь на канапе в вашей комнате. Я сейчас принесу простыни и одеяло, – пробурчала она, уходя из холла и всей своей осанкой изображая негодование.

– Шарлотта, я...

– Помолчите пока. Поговорим у меня наверху.

Комната Шарлотты, выходявшая окном на улицу, оказалась гораздо больше, чем предполагала Лилли. Вероятно, когда-то здесь была гостиная – Лилли увидела высокие окна и камин, выложенный красивым кафелем. Мебели здесь почти не было, у стены стояла единственная кровать, у противоположной стены – узкое канапе, а в центре – крепкий стол и два деревянных стула. Кресло с откидной спинкой и выцветшей, чуть потертой обивкой стояло у камина.

Шарлотта решительно закрыла дверь, повесила пальто и шляпку Лилли, усадила ее на кресло.

– Посидите здесь, я поставлю чайник. Я думаю, нам обоим не помешает чашечка чая.

Она подошла к фитилю спиртовки на столе, отмерила ложечку чайных листьев и высыпала в чайник, потом принесла стул, села рядом с Лилли.

Лилли взглянула на свою дорогую подругу (которая смотрела на нее совиным взглядом сквозь очки в золотой оправе, почти всегда сидевшие на ее носу) и сильно моргала, чтобы из глаз не хлынули потоки слез.

– Ну-ну, – пробормотала Шарлотта. – У вас для этого еще будет время. Сначала расскажите мне, что случилось.

– Мама вот уже несколько недель перехватывала мои письма. А может, даже дольше. Она призналась, что читала письма капитана Фрейзера. И я подозреваю, что ваши тоже.

– А я-то думаю, почему от вас ничего нет. Вы только что вернулись из Камбрии?

– Да, сегодня. И вот самая худшая часть моей истории. Вы знаете, что Джон Прингл обучал меня вождению?

– Да, и это очень радовало меня. Именно этим вы и должны заниматься.

– И у меня все шло так хорошо. Но тут несколько дней назад наш викарий увидел меня за рулем грузовика из нашего гаража.

– Плохо. Если это тот самый викарий, которого я помню...

– Да, все тот же мистер Берджесс. Он написал моим родителям. Мама была так возбуждена – можно было подумать, что они поймали меня за составлением плана побега с сыном егеря.

– Или с сыном мусорщика...

– Шарлотта! Это серьезно. Они собираются прогнать Джона Прингла. Выгнать его и его родителей из коттеджа.

– Боже мой!

– Мы заспорили. Я сказала, что ограничения, которое родители накладывают на меня, несправедливы и невыносимы. А обвинения против Джона Прингла абсолютно ложны. Они, конечно, не согласились.

– И что?

– Я ушла. Поднялась к себе и собрала мои вещи. А потом приехала сюда.

– Ах, Лилли.

– Извините, бога ради, что причиняю вам столько неудобств.

Шарлотта отмахнулась от ее извинений.

– Чепуха. Я бы обиделась, если бы вы поехали к кому-то другому.

– Но ваша домохозяйка...

– Она не так уж дурна – сами увидите, когда узнаете ее поближе. Вы и глазом не успеете моргнуть, а она уже будет тише воды ниже травы.

Чайник засвистел, и Шарлотта поспешила загасить пламя и наполнить чашки.

– С миссис Коллинз я все улажу. Комната внизу пустует после отъезда другой ее квартирантки в Брайтон две недели назад. Она берет семь и шесть в неделю. Вам это по карману?

– Думаю, да, хотя денег у меня кот наплакал. Всего несколько фунтов, может, чуть больше. – Лилли подошла к чемодану, расстегнула его, заглянула внутрь. – Но у меня есть вот это.

Дождь браслетов, ожерелий, сережек, колец и гребней хлынул из шарфа, в который она их завернула, и почти накрыл весь стол восхитительным набором золотой и платиновой филиграни, сверкающими драгоценными камнями и светящимися жемчужинами.

– Подарки на день рождения, какие-то украшения, доставшиеся мне в наследство после смерти бабушки, один-два подарка от Эдварда...

– Вы представляете себе цену этому, Лилли? Я не эксперт, но все это стоит, вероятно, сотни фунтов, даже тысячи.

– Я знаю. Но я не могу оставить все это себе. Все это должно быть передано Принглам. Ведь это я виновата в их беде.

– Не вы, Лилли. Ваши родители. Не забывайте об этом.

В этом месте Шарлотта объявила приостановку серьезных разговоров по крайней мере до ужина. Лилли никогда не ела в такой неформальной обстановке: тарелка с сырными тостами стояла у нее на коленях, кружка чая расположилась у ее локтя, а ее пальцы блестели от масла. Даже в детской она и ее братья и сестры должны были сидеть абсолютно неподвижно, положив на колени салфетку, сжимая в руках приборы из стерлингового серебра.

– Еще хотите? – спросила Шарлотта, доев третий тост.

– Нет. Спасибо. Это было очень мило. Моя первая еда в качестве свободной и независимой женщины.

– Вот и правильно. А теперь скажите-ка мне: каковы ваши дальнейшие планы? Какую бы работу вы хотели делать?

– Я думала, что смогу найти место в ВДП или ТДЧПП. Если, конечно, мама не успела включить меня в черный список.

– Вы могли бы устроиться шофером, – предложила Шарлотта.

– Я на это надеюсь. Но я готова на все, если это пойдет на пользу Эдварду. Меня не волнует, если работа будет трудной. Если нужно, я и туалеты готова чистить.

– А что вы собираетесь сообщить ему?

Лилли и раньше слышала, как Шарлотта говорит целеустремленным тоном, абсолютно ровным и серьезным.

– Я думаю – правду. Хотя у меня нет ни малейшего желания еще больше расстроить его, тем более когда он так далеко от дома. У него и без того забот хватает – не хочу добавлять ему лишние.

– Да бога ради! Почему вы все время стремитесь завернуть его во что-нибудь мягонькое? – сказала Шарлотта, словно выплеснула в лицо Лилли ковш холодной воды.

– Завернуть его?..

– Вы меня прекрасно понимаете. «Ах, бедный Эдвард, мы не должны его расстраивать. Как он это перенесет? Как он сможет выжить?» Он взрослый мужчина и сильнее, чем все вы думаете.

Лилли не приходило в голову ни одного разумного возражения. В словах Шарлотты был резон. К Эдварду всегда относились как к золотому мальчику, его все обожали, холили, лелеяли, ему угождали все те, кто говорил, что любят его больше всего на свете, среди них была и она. Каким-то чудом такое всеобщее обожание не превратило его в идиота.

– Лилли?

– Да, Шарлотта.

– Простите меня, пожалуйста. Мои слова очень некстати.

– Вы все правильно сказали. Вы правы. И я скажу ему правду. Я напишу ему завтра.

– А что капитан Фрейзер? Ему вы напишете?

– Конечно. Хотя он, возможно, уже махнул на меня рукой – столько мне писал и ни слова не получал в ответ.

– Я уверена, он поймет. И я очень сомневаюсь, что он потерял к вам интерес.

– Что вы имеете в виду – «интерес»? Мы только друзья, не больше.

– Вы уверены? Ваша мать больше не стоит между вами. Почему же не может быть «больше»?

– Он относится ко мне как к сестре, только и всего. Я уверена.

– Ну что ж, тогда пишите столько сестринских писем, сколько вам хочется. Только не пугайтесь, если он решит, что предпочел бы видеть в вас возлюбленную, а не сестру.

– Шарлотта!

– Подождите. Я готова биться об заклад: когда война закончится, он найдет дорожку к вашим дверям.

– Я искренне думаю...

– Шшшшш. Я решила предложить тост. – Шарлотта подняла кружку с чаем и чокнулась ею о кружку Лилли. – За вашу новообетенную свободу.

– За мою свободу. И за окончание войны. Пусть оно наступит скорее, чем мы представляем в наших надеждах.

Часть вторая

Это каким-то образом нужно преодолеть. Действовать, стараться изо всех сил, справедливо или нет, с ошибками или без, отказываясь от всех мыслей о своем «я», и прогонять из себя все страхи и тревоги.

Капитан Джон А. Хейвард, Медицинский корпус Армии его величества

– 9 –

51-й полевой лазарет

Эр-сюр-ла-Лис, Франция

Октябрь 1916

Робби стоял у операционной палатки. Его чуть покачивало, он пытался сориентироваться в тусклой предрассветной полутьме. Ему отчаянно хотелось спать. Он чуть ли не ощущал вкус того отдыха от крови, и плоти, и мучений других людей, который мог дать ему сон. Но скоро приедут санитарные машины с новыми ранеными, потом ему нужно будет проверить состояние постоперационных, в особенности тех, кто перенес операцию совсем недавно, и у него накопилась гора медицинских карточек, которые нужно заполнить, а к этому еще и официальная корреспонденция.

И потому он потащил свое усталое тело в госпитальную палатку с ранеными, поздоровался со старшей медсестрой и ее помощницами и попытался сосредоточиться на их докладах о состоянии пациентов. За ночь умер всего один человек, санитар, который получил пулю в шею, когда пытался вытащить раненого с ничьей земли. Ему придется писать еще одно письмо скорбящей матери или жене. Еще одна потерянная жизнь. А ради чего?

Он поспешил поступить в армейское медицинское подразделение добровольцем, когда в прошлом году были учреждены первые полевые лазареты для оказания полноценной помощи в промежутке между передовой и тыловыми госпиталями. Он ведь работал в приемном покое лондонской больницы, оказывал помощь жертвам столкновений авто, взрывов газа, поножовщины, рухнувших зданий, происшествий в порту и почти всех инфекционных заболеваний и недугов. Он воображал, что там видел худшее из того, что может случиться с человеком.

Он ошибался.

Он прибыл в 51-й ПЛ солнечным июньским утром 1915 года, вскоре после идиотского решения отправить светлой, ясной лунной ночью в разведку на ту сторону взвод канадцев. Все они были застрелены в течение нескольких минут.

Когда он представился полковнику Льюису и старшей медсестре – оба они казались исключительно невозмутимыми, невзирая на неистовую активность вокруг них, – его проводили в операционную палатку, показали, где ему взять халат и облачиться в него и подвели к первому его полевому пациенту.

Это был канадец, второй лейтенант, раненный осколком гранаты, и Робби потребовалась чуть ли не вечность, чтобы пробраться через разорванные кишки лейтенанта и найти рваный осколок металла, который проник в его брюшную полость. Потом Робби зашил все повреждения внутренностей. Каким-то чудом лейтенант не умер на операционном столе.

Как только канадца унесли в постоперационную палатку, на стол перед Робби положили другого раненого. А потом третьего, четвертого, пятого. За двадцать часов через его руки прошли восемнадцать человек. В Лондоне он за неделю не делал столько операций. Когда раненые

перестали поступать, ему дали передохнуть, но отдых продлился меньше одного дня, после чего приемная палатка снова наполнилась носилками с ранеными.

Он никогда столько не работал и никогда так не уставал. Но его труды того стоили, он знал, что стоили. Здесь он нашел свое место, на котором мог сотворить больше всего добра. И потому он каждый день заканчивал с чувством, что мог бы дать урок Сизифу по части преодоления в себе неудовлетворенности.

Этот вечер ничем не отличался от других. Прошел час, потом другой, а он все еще оставался в палатке с ранеными, старался как мог уменьшить кипу накопившихся бумаг, грозившую завалить его часть стола, который он делил с другими врачами.

– Капитан Фрейзер?

Он увидел полковника Льюиса, который пришел, вероятно, для того, чтобы спроводить его в кровать, хотя сам полковник проводил на ногах ничуть не меньше времени, чем Робби.

– Да, сэр?

– Когда у вас был отпуск в последний раз?

– Не помню. Вроде в прошлом году.

– Верно. И это значит, что вам давно уже пора немного отдохнуть. Я могу дать вам десять дней, начиная с двадцатого.

– Но у нас и так не хватает рук, сэр...

– К тому времени из отпуска вернется капитан Митчелл.

Ну что ж, Тому он доверял – Том не подведет.

– Спасибо, сэр. Я только закончу эту бумажную работу.

– К черту бумажную работу. Отправляйтесь в кровать и выспитесь хорошенько, потом пошлите телеграмму матери, сообщите ей, что скоро будете дома.

– Да, сэр.

Десять дней. Самый долгий отпуск, какой он получал за два года, длился три дня. Недостаточно даже для того, чтобы поездом добраться до Парижа. Но десяти дней должно хватить, чтобы добраться и до Шотландии, а потом...

Может быть, повидаться с Лилли? Только за ланчем, или чаем, или чем-нибудь в том же духе, отвечающем отношениям с младшей сестрой лучшего друга. Уж конечно, не обед в ресторане, и не танцы, и не вечер в театре.

Бланки телеграмм лежали в ящичке для бумаг над столом старшей медсестры и обычно использовались для служебных нужд. Но полковник разрешил ему отправить одну телеграмму матери. Он взял бланк, а потом, поколебавшись секунду, взял второй. Почтовая связь с Англией была ненадежной, и он знал, что Лилли несколько раз получала целую стопку его писем сразу, и некоторые из них шли до получателя по несколько недель. Если его письмо запоздает, а ей не удастся урвать несколько часов от работы, то лучше их встречу вообще не планировать.

Он посмотрел на календарь над столом. Если он покинет лазарет утром двадцатого, то будет в Лондоне к концу следующего дня, вовремя, чтобы сесть на поезд до Глазго. А это значит, что он сможет шесть дней пробыть с матерью и еще останется не менее суток, чтобы добраться до Эра из Лондона и двадцать восьмого иметь маленькое окошко для встречи с Лилли.

Большого он никак позволить себе не мог и не только ради матери, но и ради Лилли. Хотя он очень надеялся, что она будет рада встретиться с ним за чашечкой чая, у него не было никаких иллюзий на этот счет: она видит в нем только друга, и никого более. К тому же у нее был жених, черт бы его побрал, хотя она ни разу не упомянула о нем в своих письмах, а ему все не хватало мужества спросить. Не слишком ли он предавался надеждам, думая, что этот Квентин Как-его-там поспешно ретировался, когда Лилли порвала со своими родителями?

Он взял карандаш, перестроил свои докторские каракули на самые аккуратные печатные буквы, какие ему давались, и начал писать.

ДОРОГАЯ ЛИЛЛИ. ПОЛУЧИЛ ОТПУСК. СНАЧАЛА ДОМОЙ
В ШОТЛАНДИЮ. ПОТОМ НАЗАД ВО ФРАНЦИЮ ЧЕРЕЗ ЛОНДОН
ВИКТОРИЯ УТРОМ 28 ОКТЯБРЯ. ДАЙТЕ МНЕ ЗНАТЬ СМОЖЕМ ЛИ
МЫ ВСТРЕТИТЬСЯ. ОТВЕТ ПРИШЛИТЕ МИССИС ГОРДОН ФРЕЙЗЕР,
ЛАНГИУИРХЕД-РОУД, ОХИНЛОХ, СЕВ. ЛАНАКШИР, ШОТЛАНДИЯ.
САМЫЕ ТЕПЛЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ. РОББИ.

– 10 –

К тому времени, когда Лилли дотащилась до двери дома 21 на Георгиана-стрит и вошла, солнце уже давно село. А когда она утром отправлялась на работу, еще не успело взойти.

Не считая времени на дорогу в гараж в Уилсдене или получасового обеденного перерыва, она провела десять часов на задней платформе автобуса, отрывала билеты, давала сдачу, объясняла, как добраться до нужного пассажиру места, старалась не обращать внимания на комментарии (некоторые отвратительно бесстыдные) немногих пассажиров, у которых вид женщин-кондукторов в трамваях и автобусах все еще вызывал оторопь.

Теперь она хотела только горячую ванну – при условии, что миссис Коллинз пребывает в хорошем расположении духа и позволит ей эту роскошь, – тарелку горячих тостов и еще более горячую грелку в ногах, когда она упадет в кровать. А еще – столько сна, на сколько останется времени.

Шарлотта, как и обычно, работала допоздна. Ее прошлым летом перевели в новую больницу, и при составлении расписания ее место в больничной иерархии было последним. У них уже много дней не было возможности поговорить, но, с другой стороны, это означало, что Лилли может сразу же после ванны и еды отправиться в постель, не искушаемая возможностью болтать допоздна.

– Это вы, мисс Эшфорд? – раздался голос домохозяйки из дальнего угла дома.

– Да, миссис Коллинз. Как прошел ваш день?

– Ужасно! Бойлер опять вышел из строя. И у меня стирка остановилась на половине.

Так, значит, горячей ванны не будет.

– Жаль. Вам удалось вызвать кого-нибудь для починки?

– Пока нет, но я спросила мистера Пруитта – он живет тут неподалеку, – не может ли он заглянуть и посмотреть. Он зайдет завтра.

– Удачи вам, миссис Коллинз. А я отправляюсь в кровать.

Форменные ботинки тянули ее ноги вниз на каждой ступеньке, пока она поднималась по лестнице. Наконец она добралась до двери и вошла в свою комнату. Включив свет, повесила пальто и шляпу, нагнулась, чтобы расшнуровать ботинки, и только тогда заметила телеграмму, подсунутую под дверь.

Забыв о тостах и чае, она подняла конверт с пола, села на кровать и уставилась на него. «Пожалуйста, пожалуйста, только не Эдвард», – про себя молилась она. А потом поняла: сообщение не может быть о ее брате, потому что военная почта прислала бы оповещение только ее родителям. А мама и папа даже и пальцем не пошевелили бы, чтобы сообщить ей. По крайней мере, сейчас.

Может быть...

Она вскрыла конверт. Да, от Робби. Он писал, что приезжает в отпуск и будет в Лондоне утром двадцать восьмого. Пятница, у нее рабочий день, но, может, ей удастся уговорить кого-нибудь из девушек поработать в ее смену.

Где они могли бы встретиться? Он уедет во Францию с вокзала Виктории. Там поблизости есть лионская кондитерская, вспомнила она. Вполне приличное место для встречи.

16 октября 1916

Дорогой Робби,

Такой замечательный сюрприз – вернуться домой с работы и обнаружить, что меня ждет Ваша телеграмма. Я так рада, что полковник счел возможным отпустить Вас повидаться с матерью.

Я буду свободна утром двадцать восьмого и буду ждать Вас в лионской кондитерской на Виктория-стрит (угол Пэллас-стрит) в одиннадцать часов. Если место и время Вас не устраивают, дайте мне знать.

Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания Вашей маме.

Ваш преданный друг,

который с нетерпением ждет новой встречи с Вами,

Лилли

Найти кого-нибудь, кто смог бы подменить ее, оказалось труднее, чем она думала, но в конечном счете согласилась Бетти, получившая обещание отработать за нее две дополнительные смены в любое время, когда Бетти потребуется.

Она почти не спала предыдущей ночью, а завтракая, с трудом глотала еду. До этого перед ней стоял вопрос: что надеть. После длительных консультаций с Шарлоттой Лилли остановилась на простой серой шерстяной юбке, которую она недавно укоротила до более модной длины, при которой юбка не до конца прикрывает икру, и простой белой блузке. Поверх она надела свое лучшее приталенное пальто из серой шерстяной материи. Она купила у портного это пальто ношеным, но оно по-прежнему выглядело как новое. Венчала все это новомодная шляпка из черной шерстяной материи на фетре с полями, украшенными широкой атласной угольно-черной лентой, которую Шарлотта нашла в своей корзинке со всяким портновским хламом. Ничто в ее одежде не выглядело особенно модным, но смотрелось на ней хорошо и вполне подходило для данного случая.

Два года назад она бы отвернула нос от такой простой одежды, но с тех пор она сильно изменилась и была за это благодарна судьбе. Та Лилли, какой она была два года назад, не думала о том, как ее поступки могут сказаться на других людях, о чем свидетельствовало и несчастье, обрушившееся на Принглов.

Она сделала все, что было в ее силах, чтобы загладить свою вину, она продала свои драгоценности и настояла, чтобы Джон Прингл на вырученные деньги купил коттедж в Пенрите. С рекомендательным письмом от Эдварда он нашел работу в гараже, и его семья не впала в нищету, хотя и пережила несколько мучительных недель неопределенности и публичного унижения.

Первые месяцы после ее ухода из дома были исключительно неприятными. Она говорила себе, что получила надлежащее наказание за свое неблагоприятное поведение. Начать с того, что найти работу оказалось значительно труднее, чем она предполагала, потому что ни одна из женских служб не хотела ее принимать, так как ни дипломов, ни рекомендаций у нее не имелось. Когда ее наконец приняли в Лондонскую автобусную компанию больше чем через месяц после ее ухода из дома, то в качестве маляра, а не водителя.

Маляр она, конечно, была никакой, и чудо, что ее не уволили после первой недели. Но она выдержала, подружилась с другими девушками, демонстрировала такую пунктуальность и внимание, что год спустя ее бригадир рекомендовал перевести ее на завидное место автобусного кондуктора.

Работа билетчицей, как назывались женщины-кондукторы, была много легче, чем труд маляра, и она радовалась тому, что просыпается, не чувствуя запаха краски и скипидара в волосах, но и это занятие было далеко от того, чего она собиралась добиться. Она своим трудом давала возможность одному мужчине взять в руки оружие и отправиться на фронт, это правда, но в самом ли деле она делала все, что было в ее силах? В самом ли деле ее работа сколько-нибудь значимо помогала Эдварду и Робби? Она знала ответ, и этот ответ не очень ее вдохновлял.

Но она никогда, ни разу, не пожаловалась в своих письмах Робби. Вместо этого она писала ему длинные, тщательно составленные послания, наполненные занятными, как ей казалось, анекдотами из нынешней домашней жизни. Она не сомневалась, что ему не нужны исто-

рии о бомбежках с дирижаблей, или американском нейтралитете, или немецких подводных лодках, поэтому она сообщала ему о помешательстве ее друзей по работе на джазовой музыке, о ее добросовестных, но неудачных попытках вязать носки для солдат, ее прогулках по воскресным утрам по Примроуз-Хилл⁸ и редких походах в театр с Шарлоттой – в последний раз они смотрели комедию «Теодор и компания»⁹.

Его ответы, всегда немедленные, были далеко не длинными, как ее письма, он часто писал их карандашом и странным образом почти ничего не сообщал о подробностях своей жизни, в отличие от первых посланий, которые он отправлял из госпиталя в Версале. Предположительно работа в полевом лазарете оставляла ему мало времени для себя, и этим объяснялась его лаконичность. Вероятно, он не чувствовал, что она в состоянии оценить нюансы его работы, а потому не вдавался в подробности. Но было бы приятно получить более полное представление о том, как он проводит свои дни.

Сегодня она пешком преодолела три мили от Камден-тауна до Виктории. Утро стояло прекрасное, а ее сжигало нетерпение, она не могла сидеть в одиночестве в своей комнате. Сегодня, как и всегда, ее поражали изменения, которые война принесла в Лондон.

Прежде всего, все стало каким-то захудалым; художнику практически не понадобились бы другие краски, кроме серой и коричневой, чтобы передать атмосферу Лондона. Стало меньше автомобилей и лошадей. Почти все мужчины на улицах были в форме, некоторые из них были очень молоды, наверняка не достигли еще и восемнадцати. Парнишка в хаки прошел мимо так близко к ней, что она увидела пушок под носом на его почти детском лице.

Лилли прошла на юг по Пэлас-стрит до пересечения с Виктория-стрит. Впереди она уже видела бросающиеся в глаза бело-золотые буквы на фасаде Лионской кондитерской. Она вошла внутрь, оглядела столики – не ждет ли ее уже Робби.

– Что для вас, мадам?

– Что? Ах да, я жду... друга. Но он еще не появился. Не уверена, что мне стоит занять столик – у вас так много клиентов.

Официантка понимающе улыбнулась.

– Ну разве это много, мадам? Садитесь за любой столик, который вам больше нравится. Я к вам подойду, когда появится ваш друг.

Лилли прошла по центральному проходу и выбрала столик поменьше, на двоих, почти в самом конце. Она села лицом к двери и попыталась придать себе более презентабельный вид. Впрочем, возможностей для этого у нее было не так уж много: поправить выбившиеся из-под шляпки локоны, разгладить лацканы пальто, снять перчатки и сунуть их в ридикюль. Она проверила, есть ли у нее мелочь в кошельке, отметила, что забыла взять носовой платок. Жаль, что она не взяла с собой какую-нибудь книгу.

Она вытащила меню из металлической стойки на столе, принялась медленно листать, строчки расплывались перед ее рассеянным взглядом. Три пенса за чай, два пенса за липовый сироп с содовой, пенни за булочку, пирожное с кремом или имбирный кекс. Громко звякнул колокольчик над входной дверью, ее сердце забилось чаще, но она увидела только спину уходящего клиента.

Может быть, Робби забыл. Может быть, его поезд опаздывает.

Лучше она будет думать о чем-нибудь другом. О чем угодно. Например, о людях вокруг. За одним из столиков сидела компания молодых женщин, они возбужденно разговаривали, их стулья были сдвинуты в дружеский кружок. Они были модно одеты, в юбках еще короче, чем у нее, у одной из них на щеках виднелись румяна, а на губах – помада. Лилли решила, что они,

⁸ Название одного из лондонских парков.

⁹ Название английской музыкальной комедии по книге Х. Гарвуда и Дж. Гроссмита. Премьера состоялась во время Первой мировой войны.

вероятно, работают в одном из расположенных поблизости офисов или магазинов, выполняют работу мужчин, отправленных на фронт.

Она обратила внимание на пожилую пару, мужа, явно староватого для призыва. Они заказали чай с булочками и, казалось, наслаждались каждым кусочком. Жена протянула руку и смела крошку с пальто мужа, жестом, как подумалось Лилли, рожденным долгими годами любви и дружбы.

Рядом с Лилли сидели молодые женщина и мужчина в форме. Женщина держала мужчину за руку, не обращая внимания на чай, она поедала его глазами, а он говорил что-то медленно, мягко, слова разобрать она не могла, но их перешептывание явно было полно бесконечной любви. «Обещаю, со мной ничего не случится, – наверное, говорил мужчина. – Ничего не случится, я вернусь к тебе, ты не должна обо мне волноваться. Со мной ничего не случится». Лилли про себя помолилась о том, чтобы так оно и было.

Снова звякнул колокольчик, по которому ударила, открывшись, дверь. Она подняла глаза, убеждая себя, что это не может быть он, это всего лишь еще один незнакомец, пришедший выпить чаю, съесть тост и ненадолго спрятаться от холодного дня. Но она увидела Робби – он вежливо придержал дверь для пожилой пары, которая доела свои булочки и теперь покидала кондитерскую.

Он оглядел зал кондитерской, наконец увидел Лилли, улыбнулся уголком рта. Девуцы, сидевшие стайкой, замолчали, повернули головы к двери, посмотрели на него с нескрываемым восхищением. Он направился к ней, расстегивая на ходу шинель, под которой она увидела его офицерские брюки и мундир. Кто-то, вероятно его мать, отполировал до блеска его кожаные краги, ботинки, португую, потом он снял фуражку, и она увидела, что его прекрасные золотистые волосы очень коротко подстрижены.

– Привет, Лилли, надеюсь, не заставил вас долго ждать.

– 11 –

– Нет, ничуть, – ответила Лилли таким ласковым голосом, какого давно за собой не помнила. – Я только что пришла. – Она встала со стула и неожиданно приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку.

Хотя она едва прикоснулась к нему, его кожу словно обожгло, и это ощущение долго еще оставалось, когда исчез и запах ее духов. Она была так обаятельна, ее карие глаза горели, кремовая кожа была украшена созвездием веснушек, которые, вероятно, не нравились ей, но он нашел их очаровательными.

– Садитесь уже, – напомнила она ему, и только теперь он понял, что стоит, возвышаясь над ней, набросив шинель на руку. Запоздало сев, он попытался собраться с мыслями.

Лилли улыбнулась ему, явно не озабоченная его неловкой реакцией на ее приветствие.

– Как вы добрались сюда из Шотландии?

– Прекрасно, спасибо. Но с матерью тяжело было прощаться. Первые несколько часов мне в моем маленьком купе было так одиноко.

– Я никогда не ездила в вагонах со спальными местами. Там нормальная кровать?

– Скорее кушетка, которая выдвигается из стены. Спал я хорошо, наверное, покачивание вагона меня убаюкало. Как ребенка в люльке. А когда проснулся, мы уже были в Юстене.

Официантка, заметив, что Лилли уже не одна, подошла к ним.

– Доброе утро. Принять у вас заказ?

– Вы что будете, Робби?

– Только чашечку чая, спасибо.

– Можно нам заказать чайник на двоих?

– Конечно, мадам, – сказала официантка, одобрительно улыбаясь. – А что-нибудь поесть?

– Робби? – спросила Лилли, но он покачал головой. – Нет, спасибо. Только чай для нас.

– Хорошо, мадам.

Вскоре принесли чай в пузатом чайнике «Браун Бетти» с треснутым носиком. Лилли сразу же налила себе, а когда собралась наполнить кружку Робби, он вновь покачал головой.

– Спасибо, но я подожду минуту-другую. Наследство проведенных в Лондоне дней. Мы тогда пили чай такой настоявшийся, что в нем ложка стояла. Так расскажите мне о вашей работе билетчицей, – продолжил он, настроенный на разговор на нейтральные темы. – Вы давно на этой работе?

– Чуть больше шести месяцев. Она явно лучше, чем работа маляра, это я вам со знанием дела говорю. – Она улыбнулась, в ее глазах плясали озорные искорки. – Мистер Бернс, тот человек, который начальствовал над нами, вечно на меня кричал. Я повсюду оставляла брызги краски, никогда не могла толком промыть кисти и работала медленнее остальных девушек. Он предложил мне пройти курс обучения работе кондуктора. Проявил ко мне доброту. Уволить меня было бы куда как легче.

– Вы почти ничего не пишете о вашей работе.

– Да и писать-то особо нечего. Стою в задней части автобуса, говорю пассажирам, сколько с них, выдаю билеты. Единственная трудная часть – арифметика.

– А как люди реагируют, видя женщину на мужской работе?

– Большинство очень милы. Говорят, что я хорошая девушка, вношу свой вклад в победу и всякое такое. Но некоторым видеть меня просто невыносимо. Можно подумать, что я оделась для Танца Саломеи, так они на меня смотрят.

«Они настоящие скоты», – хотел сказать он, но решил воздержаться.

– Вы сегодня не надели форму.

– Мы не должны ее надевать, когда не на работе. Я думаю, начальство опасается, что люди могут увидеть, как мы выпиваем в публичных местах или протираем подошвы на танц-площадках. Я не возражаю. Я рада надеть в выходной что-нибудь другое.

– Вы прекрасно выглядите.

Его комплимент, казалось, польстил ей.

– Спасибо. И вы тоже. Форма вам идет. У вас очень впечатляющий вид.

Ее слова вызвали к жизни его самоощущение. Значит, он ей нравится? Не может ли это означать, что... Нет, сейчас время для таких мыслей было самое неподходящее, лучше увести разговор в сторону.

– Ваши родители дают о себе знать? Или вообще кто-нибудь из родни?

Она побледнела, услышав эти вопросы – он явно переборщил.

– Только Эдвард. Я думаю, сестры заодно с мамой. А Джордж в школе. Он, вероятно, даже не знает, что произошло.

– А что Квентин? – вдруг вырвалось у него.

– Кто-кто?

– Квентин... простите, я фамилию его не запомнил. Я думал, между вами есть взаимопонимание.

– Нет-нет. Нет, Робби. Ну то есть я знаю одного Квентина. Квентина Брук-Стейплтона. Но я его не видела и не слышала, вероятно, года два. А скорее всего, и больше. До начала войны. И мы всегда были только знакомыми.

– Я прошу прощения. Сморозил какую-то глупость.

Каким же он был идиотом – не понял сразу. Конечно, ее мать выдумала этого жениха с той же легкостью, с какой перехватывала письма Лилли. Все что угодно, только чтобы ее дочь была подальше от этого уличного хулигана, каким он явно был в ее глазах.

Робби был не из гневливых и не из тех, кто склонен к насилию. Но в этот момент он бы задушил леди Камберленд своими руками и получил бы мрачное удовольствие от этого поступка.

– У вас все в порядке?

– Да, конечно. Просто я сейчас видел сон наяву, – ответил он, пытаясь взять себя в руки.

– Понимаю. Наверное, вы очень устали.

– Вовсе нет. Я вот уже целую неделю в отпуске.

– Очень короткий отпуск, если хотите знать мое мнение.

– Лучше, чем ничего. А у вас бывают отпуска?

– Ну, по несколько дней время от времени. Но я бы предпочла работать, – сказала она с улыбкой.

– Извините за мой вопрос, но вам удастся... перебиваться? Не хочу показаться бестактным, но мне представляется, что жалованье билетчицы невелико.

– Меня устраивает, Робби. Не думайте об этом. И работа идет мне на пользу. Когда я вспоминаю о том, как жила, как тратила средства на книги, и одежду, и всякую ерунду, когда стольким людям на еду не хватает, мне становится ужасно стыдно.

– Вы никогда не были такой, Лилли.

– Вы слишком добры ко мне. Вам Эдвард писал, что случилось с Принглами?

– В одном из писем он написал, что его родители уволили мистера Прингла и выставили его за дверь, но вы продали ваши драгоценности, чтобы обеспечить их. Он очень гордился вами.

– Я им помогла, потому что они по моей вине потеряли работу и коттедж. Мне пришлось ответить за мое легкомыслие. Они сказали, что моей вины нет – и Эдвард тоже так сказал, – но я-то знала, что виновата.

– Я думаю, вы слишком строги к себе. Жизнь, знаете ли, коротка. Я каждый день вижу подтверждение этому.

– Конечно, коротка, и именно поэтому...

– Давайте забудем об этом, Лилли. Вы заплатили за то, что считали дурным поступком со своей стороны. Оставьте это в прошлом и перестаньте грызть себя. Обещаете?

– Обещаю. Но если вы когда-нибудь решите, что я веду себя как избалованный ребенок...

– То я вам первым скажу об этом.

– Ну, хватит обо мне. Я хочу услышать о вашей поездке домой. Охинлох, так, кажется, вы написали? Я правильно произношу?

– Правильно. Это деревенька близ Глазго.

– И у вашей матери там дом?

– Коттедж. В моей части Шотландии это называется коттедж. Две маленькие комнатки, туалет в углу сада.

– И она там живет? Даже сейчас?..

– Вы хотите сказать, что я – дипломированный врач и предположительно могу приобрести для нее что-нибудь получше? Поверьте мне, я у нее спрашивал. Но она и слышать ни о чем таком не хочет.

Он вглядывался в ее лицо в поисках какого-нибудь намека на осуждение, но не увидел ничего, кроме искреннего, непредвзятого интереса.

– Ваш отец умер, когда вы были ребенком, верно?

– Да, когда мне было шесть. Его переехала телега на улице.

– А вы его хоть сколько-нибудь помните?

Робби налил себе чай, убедившись, что он достаточно настоялся.

– Немного помню. Но никаких приятных воспоминаний он мне не оставил. По большей части помню его пьяным. Он был подлым пьяницей. Разражался бранью, если мы, не дай бог, посмотрели на него. Издевался над матерью. Но ни разу и пальцем не тронул мою сестру.

– У вас есть сестра?

– Была. Ее звали Мэри. Она умерла, когда мне было семь. От дифтерии. Мы оба болели.

– Мне так жаль, – сказала она голосом, полным сочувствия.

– Давно это было. Почему вы не спрашиваете о моей поездке домой? – спросил он, пытаясь сгладить возникшую было снова неловкость.

– Да, конечно. Наверное, ваша мама была счастлива видеть вас дома.

– Думаю, да. Она явно суежилась вокруг меня. Но ведь она так долго меня не видела.

– Как долго?

– Со времени моего отъезда во Францию... два года? У меня были отпуска, но слишком короткие – за такое время до Ланаркшира не доехать.

– Она, вероятно, скучала.

– Я не жил с ней много-много лет. С того времени, когда в восемь лет получил грант и отправился в школу в Эдинбурге. Но я знаю, она беспокоится обо мне. Сильно переживает, пока я во Франции.

Выражение на лице Лилли сказало ему, что она очень хорошо понимает, какие чувства испытывает его мать.

– Я был не очень хорошим сыном, – продолжил он, черпая силу в ее сочувствии. – До войны я почти не приезжал к ней, почти не писал. А ведь, кроме меня, у нее никого нет.

– А как она реагировала, когда вы попросили перевести вас из Версаля в полевой лазарет? – спросила Лилли.

– Если вы думаете, что я изображал из себя героя, то нет, я никого не изображал. Мне просто стало скучно, только и всего. Мои таланты, какими бы они ни были, лежат в области

травматологической хирургии. Я столько лет провел в приемном покое в Лондоне. Я чувствовал, что полезнее буду на передовой.

– В «Таймс» в прошлом году, кажется, была статья. В ней говорилось о ближайшей линии эвакуации наших раненых. А еще там было сказано, что враг ведет артиллерийский обстрел наших полевых лазаретов.

– Я не думаю, что они делают это намеренно. Имейте в виду: мы лечим немецких военнопленных так же, как своих. Но это правда, несколько полевых лазаретов подверглись обстрелу, включая и мой... – (Значит, она думала о нем.) – Вы беспокоились обо мне?

Ответит ли она честно? Или отшутится, взмахнув ресницами и скромно улыбнувшись?

– Нет. То есть... я хочу сказать... да, беспокоилась. – Она вспыхнула, ее кожу на скулах словно обожгло. – Это... – ее голос осекся. – Это очень страшно?

Как мог он ответить на такой вопрос? Правда была слишком жестокой. Он не мог мучить ее этой правдой.

– Робби? – напомнила она о своем вопросе.

Он попытался взять себя в руки, начал говорить что-то, но слова застревали у него в горле. Наконец он заговорил едва ли громче шепота. Она подалась вперед, чтобы услышать его за голосами из-за окружающих столов.

– Это так страшно, что, кажется, я не могу говорить об этом. Я не уверен, что вам следует это знать.

Они оба замолчали, и тишина за их столиком длилась мучительно долго. Потом он почувствовал ее руку на своей, ее пальцы сильно сжали его, теплота ее прикосновения была как Божья благодать, которой ему так не хватало.

– 12 –

– Почему бы вам не начать с рассказа о вашей работе? – предложила она. – Где вы находитесь? В письмах вы пишете «где-то во Франции».

– Неподалеку от Эр-сюр-ла-Лис, в деревеньке в нескольких милях от Бетюна. Хотя идут разговоры о переводе нас на восток, поближе к передовой.

– И сколько сейчас от вас до передовой?

– Миль семь-восемь. Но пушки так грохочут – кажется, они еще ближе. Поначалу я уснуть не мог, а теперь почти их не слышу.

– И что вы делаете?

– Мы – один из нескольких десятков полевых лазаретов на фронте. Грубо говоря, мы спасаем тех, кого можно спасти. Если у них незначительные ранения, мы латаем их и отправляем назад в часть. Если рана серьезна, мы стабилизируем их состояние и отправляем в тыловой госпиталь на дальнейшее лечение. Если же помочь им невозможно, мы облегчаем их уход в мир иной.

Она осторожно кивнула, впитывая его слова.

– А чем занимаетесь конкретно вы?

– Я – один из семи хирургов. Когда привозят раненых, один из нас оценивает их состояние. Если требуется операция, мы делаем ее сразу же, независимо от времени суток. До моей отправки во Францию я работал в больнице в Ист-Энде. Оперировал жертв поножовщины, людей, попавших под лошадь, людей, получивших травмы при падении грузов в порту. Но ничто из этого не идет ни в какое сравнение с тем, что я видел в Пятьдесят первом.

Он помедлил, давая ей возможность попросить его сменить тему на более безопасную, более нейтральную.

– Продолжайте, – сказала она, сжимая его руку.

Он в этот миг отдал бы все, что у него есть, за то, чтобы оказаться с ней где-нибудь в другом месте, уединенном месте, где он мог бы обнять ее. Держать ее нежно, осторожно и самому в ее объятиях познать благодать забвения.

– С июля у нас почти не было отдыха. Раненых везут и везут, и если я на сортировке раненых, то я оцениваю их состояние. У меня есть считанные секунды, чтобы оценить, у кого есть шанс выжить, а кто умрет. Прямая ампутация – дело несложное и быстрое, за час я могу сделать две-три. Но все, что посложнее...

Он отхлебнул чая, подкрепляя себя.

– Приносят солдата, а на нем ни царапинки. Но пульс едва прощупывается, дыхание затрудненное, кожа бледная. Его тяжелое положение очевидно. И вот мы с санитаром переворачиваем его, осматриваем с головы до пят и находим: крохотное входное пулевое отверстие. Или осколочное. Его единственная надежда – операция. Я должен разрезать его кожные ткани и найти, куда попала пуля. Я делаю это, обнаруживаю, что пуля или осколок от ricochetили от ребра или позвоночника и повредили жизненно важный орган и все артерии на пути. Операция на таком ранении может длиться часами, если раненый не умрет от шока или кровопотери, пока я над ним работаю. Мы можем делать переливания крови, но на это уходит много времени, и не всегда есть люди, готовые стать донорами.

А пока я пытаюсь спасти одного этого человека, в предоперационной палатке умирает с полдюжины других. Мальчики лет восемнадцати-девятнадцати. Они зовут своих матерей. А наши медсестры и санитары так заняты, что не могут улучшить минуту, чтобы взять умирающего за руку в миг его ухода.

Он поднял глаза, постарался выдержать ее немигающий взгляд.

– Я повидал много всяких ужасов, Лилли, но этот наихудший. Слышать, как они перед смертью зовут матерей. А они ведь из всех сил стараются вести себя стоически. Вы поверите, что они даже просят у меня прощения за свою слабость?

Он отвернулся. Не мог не отвернуться, иначе она увидела бы горячие, постыдные слезы, собравшиеся за его закрытыми веками.

– Хотела бы я знать, что тут можно сказать, – тихо проговорила она дрожащим от чувств голосом. – Я и представить себе не могла, что это так ужасно. Вы никогда... в ваших письмах нет ни слова об этом.

Он, конечно, ничего об этом не писал. Да и с чего бы он стал рассказывать ей об этом? Он зажмурился, молясь Богу о том, чтобы она не заметила его постыдной слабости. Потом он нашел в себе силы снова посмотреть на нее. Она тихо плакала, на ее щеках остались следы слез.

– Простите меня, Лилли. Простите, бога ради, – сказал он, ощущая, как чувство вины сводит его желудок. – Мне не следовало быть таким откровенным с вами. Не могу себя простить за то, что рассказал вам это.

– Ну что вы. – Она провела по глазам рукавом, открыла ридикюль в безуспешных поисках платка. Он достал из нагрудного кармана потертый кусочек ткани, вчера засунутый туда матерью, и вложил в ее руку.

– Спасибо, – сказала она, вытерев глаза. – Не обращайтесь внимания на мои глупые слезы. Я ведь сказала вам, что буду слушать, невзирая ни на что. И я вам говорю: мне по силам вынести это.

Она не лукавила. Она принадлежала к тому типу женщин, которые могут вынести все. Но он знал про себя, что он трус, по крайней мере в том, что имело отношение к Лилли, а потому пошел легким путем – сменил тему.

– Эдвард вам что-нибудь говорил о том, в каких бывал переделках? – спросил он и тут же мысленно выругал себя. Хорошенькая смена темы.

– В письмах? Почти ничего. Обычные его шуточки. Я думала о том, что должна расспросить его подробнее...

– Бога ради, не делайте этого. Мой опыт по сравнению с жизнью в траншеях – просто рай небесный. У меня хотя бы есть достаточно удобная кровать для сна и горячая или почти горячая пища, когда я голоден. – В его голосе теперь послышалась ярость. – И мне не приходится бояться, что меня сразит пуля снайпера. Или что я утону в воронке от снаряда. Или что я истеку кровью, висая на колючей проволоке. А именно так и умирают солдаты на этой чертовой войне, будь она проклята...

Он осекся в ужасе.

– Простите меня, Лилли. Мне нет прощения за этот язык.

– Я не в первый раз слышу такие слова. Не забывайте, где я работаю.

– Тем не менее я должен был выбирать слова.

Какой же он идиот – так испоганить то недолгое время, которое у них есть. Все, что он делал – только болтал о себе, пугал ее фронтовыми историями, бранился, как последний матрос, и ее теперь по ночам будут мучить худшие из кошмаров. Ну молодец!

Издалека до них донесся бой Вестминстерских часов, отбивавших четверть часа. Он отодвинул рукав, посмотрел на свои часы, его сердце упало.

– Уже без четверти двенадцать. Мой поезд уходит через полчаса. Вы не проводите меня на вокзал?

Он подозвал официантку, расплатился по счету и вышел с Лилли на улицу. Сердце радостно забило, когда она взяла его под руку, и он исполнился решимости наслаждаться каждым оставшимся им мгновением. Времени сказать все то, что на самом деле важно, что он чувствует на самом деле, никогда не будет хватать.

В считанные минуты они были уже на вокзале Виктория. Он взял свою сумку из камеры хранения, накинул на плечо, поднял голову и посмотрел на доску расписания наверху. Поезд на Дувр отправлялся с третьей платформы через десять минут.

– Вы пройдете со мной до пропускного пункта? – спросил он. Она робко кивнула, будто испытывая ту же неловкость, что и он.

Когда они подошли к его платформе, он поставил сумку на пол и повернулся к ней.

– Вы мне напишете, Лилли?

– Конечно. Но прежде, чем вы уйдете, Робби, я хочу...

– Да?

– Я всегда хотела знать... когда я видела вас в прошлый раз – на праздновании обручения Эдварда, – почему вы ушли, не попрощавшись?

Господи боже. Только не сейчас.

– Я думал, Эдвард сказал вам. Вспомнил об одном деле.

– Я волновалась – уж не сказала ли вам что-то моя мама, не обидела ли каким-то образом?

Так оно и было, да?

– Пожалуйста, Лилли, не здесь...

– Я права, да? Вы должны мне сказать.

– Да, она говорила со мной. Сказала, что вы обручены с Квентином Брук-Стейплтоном.

– Это была ложь.

– Теперь я знаю это. Я думаю, мы оба знаем, зачем она выдумала вам этого жениха.

– Если бы я только знала. Если бы вы мне сказали, я бы вам все сразу же объяснила.

Никогда у меня не было никаких женихов. Никогда. Вы ведь верите мне, правда?

– Верю, – ответил он, тщетно пытаясь найти еще какие-то слова.

С дальнего конца платформы до них донесся свисток.

– Лилли, мне пора.

Он протянул руку, поправил ее локон, выбившийся из-под шляпки, и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, но она в этот момент повернула голову – случайно или намеренно? – и ее губы прикоснулись к его губам.

Такие мягкие. Ни о чем другом в это мгновение он не мог думать. Ее губы были такими мягкими. Когда он в последний раз прикасался к чему-нибудь столь идеальному?

Он взял ее лицо в ладони, наклонился, чтобы в полной мере почувствовать сладость ее губ. И вот они разжались, и он отважился провести языком по нежной, гладкой, как атлас, внутренней поверхности ее нижней губы. Ее руки, сжимавшие лацканы его шинели, задрожали.

– Кхе-кхе.

Реальность вторглась в их короткое забытие. Они стояли посреди вокзала Виктория и целовались. Всего лишь в ярде от дежурного по платформе, который даже не попытался скрыть восторга. Перед – о черт побери – не менее чем дюжиной солдатиков, которые явно с удовольствием следили за происходящим на их глазах.

Робби сделал шаг назад, нежно снял руки Лилли с лацканов своей шинели и попытался ободряюще улыбнуться.

– До свидания, Лилли, – прошептал он и развернулся. Он предъявил билет и прошел на платформу мимо железнодорожного служащего.

Он знал, она смотрит ему вслед, и ему стоило немалых усилий не броситься назад к ней, забыв обо всех приличиях, и не поцеловать ее еще раз. Он шел по платформе, и все вагоны, мимо которых он проходил, были заполнены. Он шел, и сердце колотилось в его груди – ему так хотелось повернуться и увидеть ее еще раз. Наконец он увидел пустое купе.

Он вошел, скинул с плеча сумку и дал поезду увезти его. Увезти от Лилли назад к кошмарам его французской жизни.

Назад к войне, которая продолжалась уже столько, что ему стало казаться: она не кончится никогда.

– 13 –

16 декабря 1916

*Дорогая моя Лилли,
получил отпуск на Рождество – времени достаточно, чтобы съездить
домой на два дня. Ты должна обязательно пообедать со мной на Рождество в
«Савойе». И пригласи мисс Браун, если она свободна. В полдень тебя устроит?
С любовью и пр.
Эдвард.*

Лилли пришла в «Савойю» в день Рождества в половине двенадцатого, предполагая, что ей придется ждать в одиночестве за заказанным столиком, но, к ее радости, Эдвард уже был там, расхаживал туда-сюда по фойе. Он похудел по сравнению с тем, каким был в день их последней встречи, электрический свет резко выделял его скулы и нос с высокой переносицей, форма просторно сидела на его высокой, слишком худой фигуре.

– Эдвард!

Он повернулся, увидел ее, обхватил руками, приподнял, осыпал поцелуями ее волосы.

– Лилли, моя Лилли. Если бы ты только знала, как я скучал по тебе.

– Несмотря на все мои письма? – поддела она его и рассмеялась, когда он наконец опустил ее на пол.

– Да, несмотря на все твои развеселые рассказы о жизни билетчицы. Не мог дождаться, когда увижу тебя сегодня – встал ни свет ни заря. И кстати, счастливого Рождества.

– И тебе того же. Ты когда приехал?

– Вчера днем. Как раз вовремя для мрачного обеда *en famille*¹⁰.

– Бедняга.

– Я только отдал долг – не больше. Давай узнаем, есть для нас свободный столик в гриль-зале?

Вопрос был, конечно, риторический, потому что, стоило им войти в ресторан, как словно из ниоткуда появился метрдотель. Он приветствовал Эдварда по имени и провел их к столику.

¹⁰ В семейном кругу (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.